

11 79
P32396

АЛОИС
ИРАСЕК

СТАРИННЫЕ
СКАЗАНИЯ
ЧЕШСКОГО
НАРОДА

ОГИЗ

ГОСЛИТИЗДАТ МОСКВА 1943

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЧЕХИЯ

АЛОИС ИРАСЕК

СТАРИННЫЕ
СКАЗАНИЯ
ЧЕШСКОГО
НАРОДА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
ПРОФ. З НЕЕДЛЫ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943

32390.

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧЕХИЯ

АЛОИС ИРАСЕК

СТАРИННЫЕ
СКАЗАНИЯ
ЧЕШСКОГО
НАРОДА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
ПРОФ. З. НЕЕДЛЫ

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943

32350.

Alois Jirásek

STARÉ POVĚSTI ČESKÉ

СОДЕРЖАНИЕ

Проф. <i>Зденек Неедлы</i> . Алоис Прасек	3
Воевода Чех	7
О Либуше	15
О Пржемысле	20
Либушино пророчество	24
Девичья война	29
Знамя святого Вацлава	37
О старой Праге	47
Башенные часы	57
Далибор из Козоед	63
Гетто	68
Ян Жижка	81
Розовая лужайка	93
Пророчество Сивиллы	96
Пророчество слепого юноши	99
Бланицкие рыцари	102

Редактор Б. Сучков

Подписано к печати 7 октября 1943 г. А 2643. 3¼ печ. л. 5,18
уч.-авт. л.

Заказ № 1241. Цена 3 руб. Тираж 25 000 экз.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста
«Полиграфкинга». Москва, Краснопролетарская, 16.

*Памяти Анны Ирасековой, верной
хранительницы литературного наследства
А. Ирасека, казненной гитлеровскими пала-
чами в Праге 23 июня 1942 г.*

АЛОИС ИРАСЕК
(1851—1930)

Алоис Ирасек — один из передовых чешских писателей конца XIX и начала XX столетия. Он — лучший чешский прозаик этого времени. Как и большинство деятелей чешского национально-освободительного движения, Ирасек вышел из народа: его отец был небогатым пекарем в чешском городке Гронов, близ немецкой границы. Писатель родился 23 августа 1851 года, то есть через три года после отмены барщинного труда в Чехии. Горе и страдания чешского народа были хорошо знакомы ему, он много слышал о них от представителей старшего поколения. Хорошо знал Ирасек и постоянную борьбу чешского населения этой пограничной области с исконными врагами чехов — немцами.

Окончив курс философских наук в Пражском университете, Ирасек, у которого к тому времени уже выявилось крупное литературное дарование, посвятил себя цели — отразить в ряде повестей и рассказов освободительную борьбу чешского народа. Ирасек хотел показать своим соотечественникам, как в зеркале, их прошлое и этим помочь им лучше осознать, что надо делать в настоящем.

Ирасек создал в чешской литературе новый тип исторической повести. Его произведения — не вымысел, а художественное изображение исторической действительности, исполненное высокого писательского мастерства. Ирасеку блестяще удаются описания исторических лиц и мест. Его герои встают перед читателем, как живые, многие из них приобрели широкую известность в народе. В места, прославленные этим писателем, читатели его книг совершают паломничества. Книги Ирасека отличаются волнующей непосредственностью, свойственной многим произведениям чешского искусства.

Все это сделало Ирасека подлинным учителем своего народа. Чехи всегда отличались любовью к истории. В годы глубокого унижения —

XVII и XVIII века, — когда была запрещена почти вся чешская литература, летописи их родины пользовались у чехов громадной популярностью: в памяти о свободном и славном прошлом чешское национальное самосознание черпало силы. На рубеже XIX и XX столетий подобную роль выполняли книги Ирасека. Не только поучительные, но и занимательные, исполненные высокой художественной выразительности, они производили глубочайшее впечатление на читателей.

Подлинно народный, передовой писатель, Ирасек изображал в своих романах по преимуществу прогрессивные переломные периоды истории чешского народа. Тематику своих повестей он избрал поэтому два периода истории Чехии: гуситскую эпоху и столь же значительные в своем роде годы национального возрождения, падающие на первую половину XIX века, когда закрепощенные и буквально поверженные в прах чехи нашли в себе силы подняться, восстать против угнетателей, вступив на путь создания богатой материальной и духовной культуры, увенчавшийся, наконец, политической независимостью.

Гуситским войнам, этой славнейшей эпохе в истории чешского народа, посвящен целый ряд повестей Ирасека. Идеи гуситства до сих пор остаются в известной мере программными для чешского народа. Гуситство, объявившее борьбу средневековому феодализму, выступившее за освобождение народа от социального и национального гнета, создало в чешском народе прочные демократические традиции, привлекая его и ныне в лагерь народов, борющихся с собственными и чужими угнетателями. Воспоминания о славных победах гуситов, изгнавших из Чехии неподолжимо доколе войска немецких крестоносцев, укрепляли в чешском народе веру в свои силы, помогали ему и в позднейшие времена не бояться врага, сражаться с ним по-гуситски — до победы.

В этом значении произведений Ирасека, посвященных гуситским войнам: «Между течениями», «Против всех», «Братство», «Гуситский король».

Так же как гуситское движение, Ирасек художественно воплотил в пятитомной повести «Ф. Л. Век» начальный период чешского возрождения. В этой повести убедительно показаны народные истоки возрождения и обрисованы отдельные его деятели от славного Добровского до незаметных энтузиастов в городках, местечках и глухих деревнях. Четырехтомная эпопея «У нас» изображает этот же процесс в родном городе Ирасека — Гронове.

В рассказах Ирасека отражены и дальнейшие этапы чешского возрождения. Особенную популярность приобрела прелестная «Философская история» — юмористическая зарисовка маленького чешского городка в бурном 1848 году. Ирасек разработал эти темы и для театра, создав комедию «М. Д. Реттигова», героиней которой является первая женщина-деятель эпохи национального возрождения.

Годы упадка чешского народа Ирасек изобразил ярко и во всем их ужасающем трагизме. Этот период описан в повести «Псоглавцы», несколько раз издававшейся в русском переводе. Тема повести — восста-

ние «ходов» — чехов пограничного края против немецкого графа-землевладельца. С особенной силой эпоха упадка изображена в лучшей повести Ирасека «Тыма», само название которой дает характеристику того времени. Бедствия порабощенного чешского народа представлены здесь в потрясающем контрасте с великолепием жизни иноземных хозяев Чехии. Яркое изображение нашло у Ирасека изуверство иезуитов.

Ирасек и сам участвовал в той борьбе, к которой звал народ в своих книгах. В годы первой империалистической войны он был в первых рядах чешского освободительного движения. На торжественном собрании 13 апреля 1918 года он от имени всего народа читал и принимал присягу в том, что каждый чех будет верен общему делу и не прекратит борьбы, пока не будет завоевана свобода.

В свободном чехословацком государстве благодарный народ почтил Ирасека многочисленными знаками уважения и искренней любви. Писатель скончался 12 марта 1930 года в возрасте 80 лет. Его похороны вылились в демонстрацию всенародного траура по одному из величайших сынов чешского народа.

«Старинные чешские сказания» написаны в 1894 году. Книга эта не плод фантазии автора. Ирасек лишь обработал предания о былом, созданные самим народом. Сказания о воеводе Чехе и о княжине Либуше были распространены в Чехии еще в X веке. Они были записаны чешским летописцем Косьмой в начале XII столетия, причем Косьма, которому было тогда 80 лет, замечает, что слышал эти сказания еще в детстве от стариков. Таким образом, истоки сказаний лежат где-то в X веке. Сейчас эти сказания знает каждый ребенок в Чехии. Широко популярны и другие легенды, собранные в книге Ирасека. Все это подлинный чешский фольклор или материал, которому народное изложение придало все особенности фольклора.

Интересно то, что все чешские сказания носят пророческий характер, все они, и самые древние, говорят о будущем, о судьбах чешского народа. Этот мотив, начинаясь в сказании о Либуше, проходит через многие легенды, сложившиеся в период упадка чешского народа. Сказания повествуют о великих страданиях чехов, но всегда кончаются словами надежды — нет, твердой веры — в неминуемое возвращение счастливых времен. Главное в этом грядущем счастье — прочный мир и спокойный труд — ведущие идеалы чешского народа.

Народные сказания Ирасек воплотил в высокохудожественную литературную форму. Каждый раздел книги написан в своем особом стиле. Сказания о древних чехах написаны в патриархальной манере, сказания о войнах звучат воинственно, предсказания будущего изложены в патетическом тоне, исполнены веры в будущее народа.

Книга имела громадный успех у чешского читателя. Ее читали дети и взрослые, простолудины и ученые, и все они черпали утешение в этом источнике бесхитроудной народной мудрости. В страдающем сейчас чеш-

ском народе старинные сказания его предков укрепляют веру в лучшую и счастливую будущность.

Наше издание — сокращенное. В него не вошли сказания о первых чешских князьях и некоторые исторические легенды: о Сватоплуке, о короле Ячминьке, о Брунsvике, об Оpatовицком сокровище и несколько сказаний о старой Праге. Нет в нашей книге и легенд о Белой даме и о Козине, а также словацкого предания о Яношеке. Помещенные в ней сказания подверглись, кроме того, некоторым сокращениям. Однако в целом книга дает правильное и достаточно полное представление о «Старинных чешских сказаниях» Алоиса Ирасека.

Проф. Здeнeк Нeeдлы

ВОЕВОДА ЧЕХ

За Татрами, в привисленской равнине, залежала с незапамятных времен Хорватская земля, часть великой Славянской земли. В той Хорватской земле обитали многочисленные племена, родственные по языку, правам и обычаям.

И начались между этими племенами кровавые распри за межи и уголья. Восстал род на род, и много людей погибло.

В те поры два брата из могущественного рода, Чех и Лех, сговорились покинуть родину, оскверненную междоусобиями, и поискать новых мест, где бы можно было спокойно жить и трудиться.

Они издавна привыкли с любовью возделывать землю, засеивать ее различными злаками, ковать коней и разводить большие стада овец и коров.

Как сказали, так и сделали. Собрали свое племя, принесли жертвы богам, вынесли дедок (домашних богов) и, простившись с землей отцов, вышли на запад солнца и отправились в неведомые края. Шли род за родом, каждый род из нескольких семейств. Впереди двигались разведчики и вооруженные мужи, потом Чех, статный вождь с седою бородою, полный силы и мужества, его брат Лех и вокруг них родоначальники—все на конях. За ними следовали старики, женщины и дети, кто верхом, кто на фурах, затем стада и, наконец, опять вооруженные мужи, которые замыкали шествие.

Сперва переселенцы шли по землям родственных племен. Когда дошли до границы Хорватской земли и перешли реку Одер, то вступили в страну гористую, неизвестную.

Но и там еще встречали они селения, где говорили на их языке; и так дальше, до реки Лабы.

Чем дальше продвигались переселенцы, тем пустынное становился край. Далеко друг от друга отстояли селения, и жители их, одетые в звериные шкуры, говорили уже на чужом языке. Они были немногочисленны, но храбры и встречали чужеземцев с оружием в руках. Чех и Лех с дружиною этих людей победили, жалкие жилища их в шалашах и землянках разорили и пошли дальше.

Тяжела была дорога через дремучие леса и топкие болота, поросшие камышом и осокой. Вечером переселенцы зажигали костры и жгли их до утра, чтобы свет отгонял от места привала хищное зверье.

Так дошли они до третьей большой реки, Влтавы, что текла по диким, пустынным местам. Перешли на другой берег. Тут люди начали роптать, что не видно конца пути и нигде еще не было настоящего отдыха.

Тогда воевода Чех указал на высокую гору Рин, синевшую вдали над обширною равниною, и молвил:

— Пойдем к этой горе; у подошвы ее отдохнут дети и животные.

Пошли и расположились, как указал Чех, у подошвы горы. Родоначальники и старейшины осмотрели окрестную землю и нашли, что она плодородна. Рано утром, едва забрезжила заря, встал Чех и один пошел на гору лесом, куда не успел еще проникнуть дневной свет.

С вершины открылась перед ним страна вольная, широкая, с лесами и рощами, лугами и пивами. Многоводные реки серебрястыми лентами вились среди буйной зелени.

Возрадовалось сердце старого Чеха. Созерцая чудный край, он почувствовал, что край этот предназначен богами его племени и потомкам их.

Сойдя вниз, он созвал родоначальников и поведал им, что увидел. На другой день многие отправились обозреть край, и все,

что они видели, понравилось им: реки многогорьбные, земля плодородная, уголья богатые, для поселения вполне пригодные.

На третье утро, едва показалось из-за леса солнце, Чех призвал брата, родоначальников и старейшин и велел им собрать народ. Взойдя с ними на гору, откуда был виден целый край, он промолвил к ним так:

— Не будете больше тосковать и роптать. Мы обрели благодатный край, где можем остаться и заложить поселения. Вот та земля, которую мы искали. О ней я говорил и ее обещал вам. Земля обетованная, зверем и птицей богатая, медом сдобренная; станете жить в довольстве, а горы будут служить вам охраною против неприятеля. Вот она перед вами, земля ваша! Только нет у нее имени. Подумайте, погадайте, как назвать ее.

— Твоим именем; пусть зовется твоим именем земля наша!— воскликнул, словно по внушению свыше, старец с длинной белой бородой, старший из всех старейшин. За ним все родоначальники, старейшины и народ крикнули в один голос:

— Твоим именем!

— По тебе пусть и зовется земля!

Тронутый единодушием народа, воевода Чех преклонил колена и облобызал землю, новую отчизну его племени. Затем он встал, простер руки над землею и, благословив ее, сказал:

— Приветствую тебя, земля святая, нам предназначенная. Охрани нас от опасностей; да размножится в тебе род наш, и да будет он благословен отныне и до века.

С ликованием поставил старый Чех на землю дедок, которых несли от самой родины завернутыми в белое полотно, и на пылающем жертвеннике принес благодарственную жертву.

* * *

Настала пора хлопотливой, тяжелой работы; землю разделили и начали ее обрабатывать. Лес рубили или огнем сводили, пни корчевали, луга и нивы распахивали.

Тесали бревна и ставили хаты, крытые соломою. Каждый род селился особо, на отведенном ему участке земли.

Сады, поля и луга были в пользовании нескольких семей одного рода; леса, пастбища, реки стали владением общинным. И устано-

вилось так, что каждая деревня составляла один род. Хлевы и конюшни, гумна и клуны ставились обычно у подошвы холма и обносились плетнем, либо тыном. С каждым годом вокруг селения расширялись поля, с каждым годом земля давала лучшие урожаи. Рожь, пшеница, ячмень, овес и просо волновались па пивах, как зеленое море. На склонах гор виднелась сочная зелень льна, а поля яркого мака были окаймлены полосами темнозеленой конопли.

В лугах и липовых рощах гудели рои пчел, они строили свои соты либо в колодах, либо в соломенных ульях, либо просто в дуплах деревьев. С каждым годом множились стада овец и коров, резвились буйные жеребята и сильные кобылицы.

Избранный староста управлял всем родом и его владениями. Он совершал публичные моления, приносил жертвы, принимал гостей¹, разбираал тяжбы и назначал людям работу. Каждый имел свой урок, свое дело. Женщины вели домашнее хозяйство, пряли и ткали полотна и сукна, шили белье и одежду мужскую и женскую, платья, юбки, плащи и тулупы. Мужчины пасли стада, оберегая их от хищных зверей, работали на полях и в лесу, охотились с луком, стрелами и копьями, ставили капканы, устраивали западни и ямы, куда часто попадались волки, жестокие губители стад.

Жизнь кипела ключом. С пастбищ доносились звуки пастушеской свирели, с полей и садов—песни молодых поселян. Но в полуденную пору никому не пришло бы на ум петь песни. В этот час соблюдалась глубокая тишина. Люди притихали, а с полей к людским жилищам скользили, словно легкие тени, полуденные девы в длинных белых одеждах, высматривая, не оставлено ли где без призора дитя. Выходили безобразные колдуньи, большеголовые, с разными глазами. Они насылали на людей болезнь и беды. Появлялись лесные девы с золотыми волосами...

Люди боялись этих таинственных существ, особенно язинок, которые усыпляли людей и вылущивали им глаза; боялись блуждающих душ, которые в виде зеленых огоньков появлялись на болоте. Со страхом обходили люди озера и топи, где скрывались водяные, куда заманивали прохожих бледнолицые русалки в зеленых одеждах.

Но больше всего чехи страшились Перуна, владыки громов и

¹ Чужеземных купцов.

мошней. Боялись они и бесов, которые, овладев человеком, обессиливают его тело, ломают кости и затемняют разум. Чтобы умилостивить бесов, к родникам приносили дары, черных кур либо голубей. Приносили жертвы могущественному Велесу, хранителю стада от падежа и иных бедствий.

В селениях за оградой жилось спокойно. В домах хранились домашние боги—дедки—духи предков, изображения которых стояли на почетном месте, у очага. Эти добрые духи оберегали стада, имущество и содействовали процветанию дома.

Когда же осенью опадали листья и густые туманы клубились в воздухе, когда зимою замерзала и покрывалась снегом земля, семьи собирались в просторной горнице с крепким потолком и плотно затворенными окнами. Большая, сложенная из камней печь нагревала горницу; огонь, горевший на камнях, освещал ее, и яркий его отблеск дрожал на стенах, где развешены были щиты, обтянутые темной кожей, сети, луки, деревянные и каменные молоты, рога оленей и зубров, от которых ложились на стенах причудливые тени.

При этом трепещущем свете семья и челядь занимались работой. Женщины пряли, мужчины чинили утварь, готовили оружие, либо отдыхали после охоты. Немало было говору, люди охотно слушали разные сказания, пели старинные песни. Охотники рассказывали о борьбе с медведями и зубрами, о проделках лесных духов, которые заводили охотников в непролазные чащи и болота и губили их.

Седобородые старики любили вернуться в мыслях к далекой покинутой родине, рассказывали о сражениях и стычках, вспоминали храбрых героев.

Рассказывали и о страшных видениях во мраке ночи на болотах, полях и в густых лесах, об огненных змеях, несущихся по темному небу, о бабе-яге, стерегущей живую и мертвую воду, о белых феях судьбы, появляющихся у колыбели новорожденного, о колдуньях и ведьмах, о худых и добрых предзнаменованиях. С благоговейным страхом внимали присутствующие этим таинственным сказаниям своего рода и племени.

Догорал огонь, и члены семьи, поручив себя и имущество свое охране предков, ложились на ложа, устланные звериными шкурами. Духи предков заботливо охраняли их.

Так жили чехи, и крепили их кровные связи и родственная любовь, переходя из рода в род, соединяя живых и мертвых, настоящее и прошедшее.

Огражденное тыном и занесенное снегом селение затихало во мраке ночи; изредка слышался лай и вой псов, почуявших волка, глаза которого сверкали, как искры; писк выдры доносился порою с реки...

В пору снега и льда, сумрака и ночи властвовала Морана, богиня смерти. Но власть ее длилась до тех пор, пока, по воле божьей, не начинало ярче светить солнышко. Оно согревало землю, растапливало ледяные оковы, и народ во всех градах и весях оживал духом. С песнями шла молодежь к рекам и потокам, бросала в воду изображение зны и смерти и радостными возгласами славилла возлюбленную богиню Весну.

А солнце поднималось все выше и выше, освещая волнующиеся пивы и цветущие луга.

Наступал праздник солнворота. Ночь перед самым длинным днем была полна чудес. Покрытые росой цветы, сорванные в эту ночь, считались одаренными волшебными свойствами и целебной силой. Их хранили вместе с корнями чериубыльника, отца всех кореньев, ибо они охраняли от бесов и злых духов, обладавших особой силой в эту таинственную ночь.

На всех холмах и возвышенностях зажигались огни, бросавшие свет далеко кругом. Ветер разносил песни девушек и юношей, увенчанных цветами. Кружась вокруг костра, молодежь пела, восхваляя великую мощь солнца, дающего жизнь, силу, любовь и радость.

После летнего солнворота наступало время жатвы. Затем приходила осень и опять зима. Год бежал за годом; племя Чеха разрасталось и множилось.

Молва о них доходила до старой родины и побуждала новых переселенцев следовать по тому же пути. И стало чехов несчетное множество. И расселялись они, захватывая все больше и больше земли на север и юг, на восход и запад, закладывая вдоль рек и гор новые грады и веси.

В городах назначали старост, обязанных охранять жителей. Там укрывали жен, детей, старцев, скот и имущество, если неприят-

тель вторгался в землю. Место для городищ (укрепленных городов, крепостей) выбирали на островах, либо на скалах, либо в лесах, окруженных мишными, топкими болотами, на которых не оставалось тропинок. Казалось, что и дорог к этим городкам не было, но жители умели находить их. Вокруг городищ насыпали высокие валы, иногда в три ряда. На валах сооружали из толстых бревен высокие стены с вышками. и в одном месте прорубали ворота.

Род Леха, Чехова брата, разросся так сильно, что ему стало тесно. И задумал Лех поискать новой земли. на востоке. Воевода Чех и весь народ не хотели отпускать его, но Лех остался непреклонен. Тогда его попросили, по крайней мере, не уходить далеко, чтобы в случае опасности братья по крови смогли прийти друг другу на помощь. Лех выслушал эту просьбу и сказал:

— О милые братья, сыны и мужи земли чешской. Никогда не забуду я, что принадлежу к вашему племени, и не уйду так далеко, чтобы не слышали вы обо мне и я о вас. Дам вам знать, в каких краях я осяду. На третий день после нашего ухода, прежде чем засияет дешица, поднимитесь на Рип и глядите вдаль. Где запылает большой огонь и поднимутся к небесам столбы дыма, там, знайте, мы осели.

В назначенный день, перед рассветом, толпы народа взшли на Рип. Между востоком и югом, в туманной дали, они увидели большое зарево, а когда взошло солнце, оттуда же повалил густой дым. Чехи поняли, что в той стороне поселился Лех и род его.

Основавшись, Лех построил город, окружил его высоким валом и назвал Коуржимом¹.

* * *

Мишло 30 лет с тех пор, как воевода Чех пришел в землю, названную его именем. Когда он достиг 86 лет, исполнились дни его, и он уснул навеки. Народ совершил по нем тризну и оплакивал его, как родного отца, восклицая:

— Ты был воевода и отец наш. Ты привел нас в эту прекрасную страну. Ты был справедливым правителем и защитником

¹ По-чешски коурж — дым.

своего рода и племени. О горе, горе, кто теперь будет править нами и оберегать нас!

Все до единого скорбели об усопшем, хотя и верили, что душа его вознеслась в те блаженные страны, где цветет вечная весна и где душа Чеха будет жить вечно, удостоенная такого же уважения и почета, каким он пользовался на земле.

Умершего одели в новые одежды, рубаху и богато вышитый плащ, опоясали широким поясом, с блестящими металлическими цепочками и коваными украшениями, на ноги надели башмаки, а на седые кудри—дорогую соболью шапку.

Потом, когда день уже близился к концу, воеводу посадили на высокий костер из толстых столбов, покрытый вышитыми одеждами. Было это в тени дубов и лип, близ трех дорог, где по обычаю совершалось погребение. Принесли меду, плодов и благовонных трав и положили около усопшего. Потом принесли печеного хлеба, мяса и луку и положили перед ним. Здесь же лежало оружие усопшего—копье, меч, палица и щит. Зарезали петуха и курицу и бросили их на костер. Затем ближайший родственник покойного воеводы взял в правую руку горящую головню и, повернувшись спиною к костру, зажег хворост. Пока не вспыхнуло пламя, родич стоял, держа левую руку позади себя. Когда же пламя взвилось кверху, подошли остальные с горящими лучинами и бросили их на костер.

Подул ветер, затрещал костер и выбросил сноп искр. Черный дым окутал величавую фигуру усопшего воеводы, в последний раз возвышавшуюся над толпой людей его племени. Воздух огласился плачем и рыданиями. Жены запели погребальные песни.

Когда костер потух, кости и пепел были собраны в урну. На месте костра насыпали холм и положили на него щит, оружие и урну с останками покойного. Возвращаясь с погребения домой, люди поднимали камешки, веточки, листочки и бросали их назад через голову не оглядываясь.

Долго обитатели Чешской земли посещали дорогую могилу, преклоняли там колена и плакали. Славное имя любимого воеводы передавалось из рода в род.

О ЛИБУШЕ

Как, бывало, к мудрому воеводе Кроку, так теперь к дочери его Либуше стекался народ из близких и далеких мест, чтоб найти решение своим спорам и тяжбам. Все прибегали к ее мудрости, надеясь на совет и поучение. А она, судья справедливый, беспристрастно судила спорящих.

Однажды два соседа, оба знатного рода, заспорили о полях и угодьях. Споря, они бранились, вспомнили отцов и дедов и до того ожесточились, что окончательно исчезли их добрососедские чувства и воцарилась ненависть. Ни один не хотел уступить, каждый был тверд, как камень, в этом споре. И когда настал час, в который княжна заседала в судилище, перед нею предстали тяжущиеся.

Под развесистою липою на высоком стуле, покрытом ковром, заседала Либуша в белой девичьей повязке. По правую и левую руку ее сидели двенадцать родоначальников и старейшин главных родов. Все это были люди опытные, убеленные сединами. Перед ними широким кольцом разместилась толпа людей всякого рода, мужей и жен, пришедших судиться либо постоять за близких своих.

Вот выступили перед княжной на суд два враждующих соседа. Младший горько жаловался на то, что старший несправедливо посягает на его поля, нарушает границы. Старший, муж зрелый, с лицом мрачным, окаймленным густою бородою, сурово перебил

его. Кратко, но резко он требовал удовлетворения, нимало не заботясь о том, что такой суд был бы возмутительною кривою.

Выслушав тяжущихся и поразмыслив, Либуша объявила первому старейшине свое решение. Родоначальники и старейшины, составив совет, нашли решение княжны мудрым и правильным и объявили его тяжущимся. Потерпевшим был признан младший, и ему присудили поля.

Услышав решение, старший из тяжущихся, вне себя от гнева, троекратно ударил тяжелою палицею о землю. Лицо его потемнело, глаза засверкали, брань и упреки полились из уст его, как ливень из громовой тучи.

— Так вот какво здесь право! Сразу видно, что судит баба. У бабы волос долог, а ум короток. Прясть бы ей да шить, а не народ судить. Срам нам, мужам!

В ярости он бил себя кулаками по голове, захлебывался и брызгал слюной.

— Стыд и срам! В каком другом краю или племени бабы властвуют над мужами? Мы, только мы одни, служим всем посмешимцем. Лучше нам сгинуть, чем сносить такую власть.

Все замерли, пораженные этою дикою речью. Краска стыда залила лицо княжны, и сердце ее сжалось от такой возмутительной неблагодарности. Ни слова не сказав обидчику, она окинула взглядом родоначальников, старейшин и толпу. Но никто не возразил обидчику, никто не оставовил его. Княжна встала и повела речь неторопливо, с достоинством, хотя голос ее дрожал от волнения:

— Так и есть. Я женщина и поступаю по-женски. Не сужу я вас железною палицею, вам и кажется, что я мало смыслю. Хотите правителя с твердою рукою? Получите его. Пусть вече изберет князя. Кого оно изберет, тот будем мне мужем.

Окончив речь, княжна отошла с надворья в терем и тотчас же послала верховых в Казинц и Тетин за сестрами, сама же удалилась в заветный уголок в саду, куда никто, кроме нее и сестер, не имел доступа.

Там в густой заросли кустов и лип, на каменной тумбе, ют времени поросшей мхом, сверкала серебряная с золотой бородой голова Перуна-громовержца.

Либуша опустилась на колени у подножья идола и погрузилась в молитвенное созерцание. Прошел день, закатилось солнце, в таинственном уголке стало совсем темно, ночью ветер зашумел в вершинах деревьев. Либуша не двигалась с места. Она сидела в глубокой задумчивости, перебирая в мыслях происшедшее и стараясь заглянуть в будущее: какого-то князя выберет народ и что скажут ее сестры, одобрят ли они ее решение.

Заслышав шаги, Либуша встала и пошла навстречу сестрам. Правитель града проводил приезжих от градских ворот до сада и встал на страже у входа.

Что говорила Либуша сестрам, что прозрели вещие девы у подножья Перуна, о чем они советовались, того не узнал никто. Летняя ночь была уже на исходе, небо побелело, и из-за вершин деревьев блеснул солнечный луч.

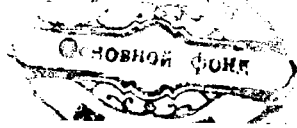
В пору, когда еще веял утренний ветерок, Кроковы дочери возвращались в терем. Посреди сестер, уже носивших женские уборы, шла Либуша с девичьей повязкой на челе. Взор ее был задумчив и устремлен вдаль. Безмолвно, как тени, промелькнули сестры мимо правителя, стоявшего на страже, как тени поднялись по ступеням, ведущим в терем, и исчезли за толстыми деревянными колоннами. Правитель с благоговением смотрел им вслед.

* * *

Утром Либуша разслала гонцов оповестить народ о том, что после жатвы соберется великое народное вече. В назначенный день сошлось и съехалось множество мужей от всех племен чешских. Были тут старые и молодые, на конях и пешком, в шапках, кафганах и плащах, в шлемах и латах, при мече и луке. С оружием были те, кому приходилось ехать по пустынным горам и дремучим лесам.

Многие прибыли издалека, от границ Зличанских и Пшовских, от восхода солнца, иные с севера, где жили по соседству с гордым племенем лучан. Многие пришли с юга из-за обширных лесов за Кроковым городом и от границ Немецкой, Баварской земель.

В обширном пригороде под Вышеградом, где жили ремесленники, делавшие седла, узды и сбрую, оружие, щиты с железною либо медною оправою, нехватало места для множества прибывших гостей.

Коней привязывали просто к частоколам либо к деревьям. Шумно было в пригороде, шумно на берегу реки. Родственники и знакомые приветствовали друг друга, толковали об охоте, об оружии, о боях и схватках, а больше всего о том, что занимало сейчас все умы: о двух тяжущихся соседях, о судьбе Либуши и о том, каков будет новый князь.

Но вот наступил час. С Вышеграда затрубили трубы, и народ могучим потоком хлынул в гору и разлился по двору перед княжеским тронem. По сторонам трона были поставлены почетные сиденья для Казн и Теты.

Прибывшие низко поклонились княжне; она же, величаво ответив на поклон, повела такую речь:

— Слушайте, старейшины, родоначальники и весь народ, слушайте, зачем позвала я вас. Свободы вы ценить не умеете, познала я это по опыту. По внушению богов решила я не властвовать больше над вами, ибо всем сердцем вы жаждете иметь князем мужа. Князь будет брать ваших сынов и дочерей на свою службу; из скота и коней возьмет в дань все, что ему полюбит. Служить будете ему, как еще не служили, и дань платить белкою, конями и полотном, как еще не платили, и будет вам тяжело и горько. Зато избавитесь от того сраму, что вами правит женщина. Не ради устрашения говорю вам это, но говорю то, что открыл мне и моим сестрам дух вещей. Выбирайте князя мудрого и разумного, ибо легко князя посадить, но трудно его ссадить. Крепки ли вы в ваших мыслях и желаете ли, чтоб я помогла вам, указав его имя и пребывание?

— Помогни! Укажи!—крикнули все, как один человек.

Толпа, стоявшая недвижно, как стена, и с почтением слушавшая речь княжны, вдруг заволновалась, словно хлебная нива, колеблемая порывом ветра.

И вот Либуша в белом одеянии, с белоснежной повязкой на челе, встала и, объятая великим духом, воздела руки над толпою. Все взоры устремились на вдохновенное лицо княжны. Указывая на юг, она вещала:

— Вон за теми горами течет небольшая речка Белина. Близ той речки лежит селение рода Стадицы. Недалеко от селения, между полями и лугами, есть место просторное, никому не принадлежащее. Ширина и длина его сто двадцать шагов. Там пашет ваш воевода

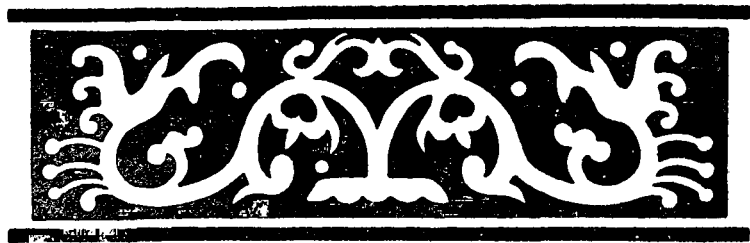
на двух пестрых волах. У одного вола голова белая, у другого от лба по хребту идет полоса белая, и задние ноги у него белые. Возьмите одежду княжескую, идите и приведите избранного народом и мною, вам—князя, мне—мужа. Пржемысл имя ему. Он и потомство его будет властвовать над землею вашею отныне и до века.

Когда выбрали знатнейших послов, которые должны были ехать в Стадицы и объявить избранному мужу о решении княжны и народа, Либуша продолжала:

— Дороги не ищите и никого о ней не спрашивайте. Мой конь поведет вас, а вы спокойно следуйте за ним. Он доведет вас куда следует и приведет обратно. Человек, перед которым он остановится и заржет, и есть Пржемысл. И станет вам многое понятней, когда узрите трапезу своего воеводы за железным столом.

По знаку Либуши, выведен был Белош, статный конь, с широкой шеи которого сбегала длинная густая грива. Надели на шею коню широкий хомут, сверкавший металлическими бляхами; на спину положили мех; поверх него—богато убранное седло. Когда на седло положили княжескую одежду, конь выступил, а за ним и посольство.

О ПРЖЕМЫСЛЕ

Было это ранней осенью, в тихий солнечный день. Либушин конь шел быстро, крупными шагами. Никто его не вел, не понукал. Он шел, точно к своей конюшне, так что пораженным послам пришла мысль, что он уже не раз ходил этой дорогой.

Ни на шаг конь не уклонялся в сторону. Ничто не могло сбить его с пути. Не раз проезжали послы мимо табуна пасущихся коней, и их приветственное ржанье встречало и провожало Белоша. Но Белош продолжал идти вперед, даже не поворачивая головы. Когда же послы в открытом поле останавливались отдохнуть под дикой грушей либо в тени красноствольной сосны, конь тоже останавливался и потом первый пускался в дальнейший путь.

Так ехали послы по горам и равнинам, и на третий день были уже близко селения между холмами в узкой долине, по которой текла река. Когда вступили в долину, им встретился мальчик. Послы обратились к нему:

— Эй, молодец, не это ли Стадицы и нет ли там мужа по имени Пржемысл?

— Да, это Стадицы; а вон и Пржемысл в поле, погоняет волв,—отвечал отрок.

Невдалеке послы увидали мужа высокого роста, в липовых лаптях. Он степенно шел за плугом, погоняя хвостистой двух пестрых волв. У одного вола была голова белая, у другого шла белая полоса

от лба по хребту и ноги были белые. Послы приблизились к пахарю по широкой меже, тогда остановился Либушин конь и, приподнявшись на задние ноги, весело заржал. Затем, опустившись, он наклонил голову перед молодым пахарем, который вытащил плуг из земли и остановил волов. Послы сняли с седла Белоша княжескую одежду: длинную юбку, обшитую дорогим мехом, красный плащ, богатый пояс и, подойдя к Пржемыслу, низко поклонились ему.

— Приветствуем тебя, муж великий, князь, богами нам суженый. Оставь волов, надень одежду, нами принесенную, воссядь на коня и поедем. Чешский народ с нетерпением ожидает тебя. Приди и прими владение над нами, тебе и твоим потомкам предназначенное. Будь нашим князем, судьей и защитником.

Пржемысл молча выслушал речь послов, молча воткнул в землю ореховый прут, который держал в руке, и распряг волов. Снимая с них ярмо, он сказал:

— Идите, откуда пришли.

В ту же минуту волы поднялись и скрылись в скале, которая раздвинулась перед ними и вновь сдвинулась так, что и следов не осталось.

Обратившись к послам, Пржемысл сказал:

— Жаль, что вы рано пришли. Если б я успел допахать это поле, в земле вашей было бы всегда вдоволь хлеба. Но так как вы поспешили и помешали мне кончить мое дело, знайте, что иногда в земле нашей будет голод.

Когда он договорил, все увидели, что земля дала ореховому пруту жизнь и соки. Словно куст весной, прут начал покрываться почками, пустил побеги, которые мгновенно превратились в три ветки, на них зазеленели листья, среди листьев появились молодые орешки.

Послы со страхом смотрели на это диво. Пржемысл обернул плуг лемехом вверх и, взяв с межи лыковую сумку, вынул из нее хлеб, сыр, положил на лемех, ярко блестящий на солнце, и пригласил послов разделить с ним трапезу.

«Вот он, железный стол, о котором говорила княжна наша!» — подумал каждый из послов, невольно содрогаясь в душе.

Пока они с Пржемыслом трапезовали и из его чаши пили, засохли и ютвалились на пруте две веточки, а оставшаяся стала буйно разрастаться вверх и вширь. Послам стало не по себе. Указав на

это чудо, они спросили Пржемысла; что оно означает, почему две ветки засохли и лишь одна осталась.

— Об этом скажу вам,—молвил Пржемысл.—Знайте, что из рода моего многие будут владычествовать, но уцелеет только один.

Послы спросили, почему трапезуют они не на меже, а на железном лемехе.

— Затем, чтоб вы знали, что род мой будет править железною рукою. Уважайте железо. В мирное время вы им поле пашете, в смутное—обороняетесь от ворогов. Доколе будет у чехов такой стол, не одолеют их вороги. Если же чужеземец похитит тот стол, потеряют чехи свою свободу.

Проговорив эти вещи слова, Пржемысл встал и пошел в деревню проститься с своим родом, отныне столь почтенным и знатным. Затем, облачившись в княжеские одежды, он сел на коня, который под ним радостно заржал. Дорогой послы допытывались у Пржемысла, зачем он взял с собою лыковую сумку и лапти. Ответил Пржемысл:

— Вам и детям вашим завещаю беречь эти лапти, чтобы они напоминали о прошлом. Пусть помнят мои потомки, откуда они родом, живут в страхе божьем, не притесняют вверенных им людей и не ослепляются гордынею, ибо все люди равны.

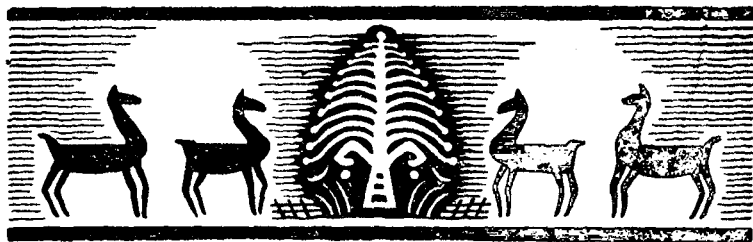
Когда послы с князем подъезжали к Вышеграду, навстречу им вышла Либуша в блестящем головном уборе и в богатом ожерельи из янтарей и халцедонов на белоснежной шее. В белой одежде, зардевшаяся от волнения, она была прекрасна. Радостью сияли ее очи, еще издали увидавшие Пржемысла на Белоше, окруженного послами. За княжною шла ее свита: девушки с лентами в волосах, скрепленными сзади блестящими пряжками. За ними шли родоначальники, которые, как и весь народ, остались на Вышеграде ожидать возвращения посольства с новым князем.

И возрадовались все, увидав красивого, статного мужа; больше же всех Либуша, которая уже раньше встречала жениха в Будче. Подав друг другу руки, князь и княжна вступили в град, и за ними весь народ в великом веселии. С радостными кликами чехи повели и посадили Пржемысла на каменный княжеский престол и возгласили здравцу новому князю и его союзу с Либушей. Славил их и в граде и в пригороде, на горе и под горою. Воеводы и гости засели за столы на княжеском дворе и пировали.

Ели много яств и пили много медов разных. Пили и пели, и слушали гусяров, которые, перебирая струны, распевали старинные песни о героях и битвах времен минувших. Потом опять пировали до ночи, пировали и ночью, при свете огней и факелов.

Погасли огни, и над лесом уже загорелась румяная зорька, а в граде и пригороде стоял еще гул от шумного веселья. И звуки эти утренний ветерок уносил за реку, в темные леса, объятые беловатым туманом.

ЛИБУШИНО ПРОРОЧЕСТВО

Так возвела Либуша Пржемысла на престол княжеский. После свадьбы спустилась она с ним в обширное подземелье, высеченное в скале и запертое тяжелым замком. Там на грубых столах вдоль стен лежало многое множество оружия, утвари и драгоценностей. Были там булатные мечи, кованые пояса, шлемы с шишаками, запястья, перстни, серебряные диадемы, янтари, кораллы, драгоценные камни, куски серебра и чаши с серьгами, стоявшие на большом ларе с чистым золотом. Весь этот клад Либуша показала Пржемыслу, ибо отныне сокровища принадлежали и ему.

Вместе с Пржемыслом часто спускалась она в прекрасный сад, и супруги шли на заветное место под деревьями, где сверкала серебряная голова мрачного Перуна. Там весной и летом проводили они время в мудрых беседах. Посещали они священную рощу над Езерком и другие места, куда Либуша со своими девушками любила ходить до замужества. Побывали супруги и в купальне, где девушки, бывало, расчесывали прекрасные волосы Либуши, воспевая ее красоту.

Вместе с супругом Либуша обдумывала уставы и законы на счастье страны. Много мудрых законов установил Пржемысл. Ими он сдерживал буйный люд, ими водворял мир, ими же много веков управляли его потомки.

Порою Либуша пророчествовала, объятая вещим духом. Однажды

стояла она с Пржемыслом, дружиною и воеводами на скалистом утесе высоко над Влтавою. Длинные тени уже лежали на цветущих лугах долины, где под сводами ольхи, ив и кленов журчал поток Ботич. Роща на пригорке и хлебные поля по ту сторону Влтавы были залиты красноватым светом заходящего солнца.

Все любовались золотистыми нивами, полосами цветущего клевера и радовались такой благодати. Один из старейшин припомнил то время, когда он, по приказанию воеводы, блаженной памяти, вместе с другими послами отправился искать место для нового города и впервые ступил на эту почву.

— И какая же здесь была пустыня! Все лес да лес, как вон там.—И старик указал на лесистые горы за рекою.

На гладкой поверхности реки выступали острова, покрытые буйной растительностью, огромными деревьями и густыми кустами. Птицы кружились над лесом, а на берегу, где деревья, обвитые диким хмелем, склонялись над водою, шумели в густых камышах стаи речных уток.

Все взоры устремились в сторону, куда указывал старый патриарх. Дальние леса уже начали закутываться в синеватый вечерний сумрак. Из-за вершин деревьев вздымался столб дыма, освещенный лучами заходящего солнца,—какой-то зверолов зажег югонь в чаще леса...

— Пока не падут те леса,—продолжал старик,—нас будут тревожить голодные волки. Сколько их там за Страховым, Шлаховым и кругом! Пока не срубят леса...

Он не договорил, его уже не слушали. Глядя на молодую княгиню, все стояли, затаив дыхание, боясь пошевелиться, чтоб не нарушить ее вдохновения. На скале, впереди всех, стояла в экстазе Либуша, не замечая ни мужа, ни окружающих. Лицо ее светилось внутренним светом, глаза сняли. Благоговейный страх обаял присутствующих.

Воздев руки в сторону синееющих вдали лесов и устремив на них сверкающий взор, Либуша пророчествовала:

— Вижу великий город... Слава его достигнет звезд небесных. Место для него в излучине Влтавы, где граничит она с потоком Брусницей, что бежит в глубоком овраге. На юге от нее скалистая гора и лес Страхова.

Там, среди леса, найдете вы человека, он обтесывает пороги для своего дома. И город, который вы постройте, будет зваться Прагою¹. Как князья и воеводы перед порогом дома склоняют головы, так будет весь мир кланяться тому городу.

Либуша умолкла; вещей дух от нее отошел.

И пошли люди за реку к старому лесу и нашли все так, как предсказала Либуша. На том месте поставили град, укрепив его со стороны леса Страхова, откуда он был наиболее доступен. Выкопали глубокие рвы, насыпали высокий вал, а на валу сложили высокие стены с вышками. Снаружи стены обили соломенными щитами, покрытыми глиною, чтобы оградить стены от пожара и каменных стрел.

И был город Прага хорошо укреплен. И царил он возле Вышеграда над Чешскою землею.

* * *

Часто спускалась Либуша к подошве Вышеградской скалы, туда, где близ глубокого омута Влтава прорыла в утесах пещеру, служившую княгине купальною горницею. Там однажды стояла она, объятая вещим духом, и, взглядываясь в волны, прозревала будущее.

Волна бежала за волною, и видения сменялись видениями. С волною нахлынули, с волною и отхлынули. Чем дальше, тем мрачнее и безрадостнее становились они; мутилась мысль, и болело сердце.

Бледная, дрожащая, наклонясь над рекою, Либуша всматривалась в грозные видения. В страхе глядела девичья свита на свою княгиню. Печать страдания легла на ее челе. Глубоко взволнованным голосом она говорила:

— Вижу зарево пожара. В темной воде пышет пламя. В огне грады, веси, села. Ах, гибнет все, гибнет...

При свете пожара кровавый жестокий бой... Много боев... Поснившие тела, покрытые ранами, кровью... Брат убивает брата, а

¹ От слова «порог», по-чешски — «праг». По иным сказаниям, Прага получила название от порогов, преграждающих Влтаву в ее излучине. (Ред.)

чужеземец попирает их ногами. Вижу беду великую, унижение, позор...

Две девицы подали ей золотую колыбель ее первенца сына. Радость блеснула в очах Либуши и озарила ее черты. Поцеловав колыбель, она опустила ее в бездонную глубину и произнесла взволнованным голосом:

— Покойся глубоко на дне, колыбель моего сына, пока не придет тебе час всплыть наружу. Не останешься ты навеки в темной пучине; не продлится без конца ночь над родиною. Снова засияет ясный день, снова вернется счастье к моему народу.

Очищен страданиями, укреплен трудом и любовью, расцветет он в силе, исполнит свое назначение и достигнет славы.

Тогда выплывешь ты, колыбель, из пучины, выйдешь на белый свет, и будет почивать в тебе дитя, которому суждено стать спасителем родины.

* * *

Минули года, настал час, и Казн, которая так часто врачевала немощных своими благословенными силами, сама стала жертвою смерти. В память о ней близ Казина, на берегу Мжи, жители насыпали высокий могильный холм.

Потом перст мрачной Мораны коснулся чела Теты. По всему Тетинскому краю горевали о Тете, как о родной матери. Пепел ее погребли на горе Погляд, близ священного места, в тени старых дубов, где она поклонялась богам и приносила жертвы.

Девять дней горели большие огни и совершались жертвоприношения. На могиле Теты водрузили большой камень.

Оспротела Либуша, пережив своих сестер. Но и ее час пробил. По внушению богов узнала она, что конец ее близок. Помышляя о вечности, о пути в рай, к отцу и сестрам, она позвала Пржемысла и просила его собрать родоначальников и старейшин, чтобы в последний раз поговорить с ними.

Призванные собрались на княжеский двор. После того как на пылающем жертвеннике принесена была жертва богам, Либуша, всеми чтимая княгиня, торжественно вступила в среду собравшихся. Бледное лицо ее выражало спокойствие, взор уже смотрел в вечность.

Объяснив родоначальникам и старейшинам, что час ее пробил

и что она в последний раз говорит с ними, Либуша завещала им служить верою и правдою Пржемыслу и его сыну и всегда повиноваться князьям своим. Все слушали ее с глубоким благоговением, тронутые до глубины души. Когда княгиня стала просить мужа любить подданных, как детей своих, и быть к ним снисходительным, на глазах многих седобородых старцев показались слезы.

Воздев руки, Либуша благословила присутствующих и, возвратившись к себе, легла на землю, общую всем мать, и почила.

Горько плакали о ней муж и сын; плакали мужи и девы, плакали плачем великим. Отнесли и сожгли ее тело, а пепел погребли, учинив над могилою тризну.

Где покоится прах Либуши, доподлинно никому не известно. Называют град Либушин и Либице. Есть предание, что могила ее находится близ холма Ошкобрг, изобилующего чудодейственными травами.

* * *

Долго-долго почивала золотая колыбелька на дне Влтавы, под Вышеградской скалою. Шла волна за волною, а на Чешскую землю—беда за бедою.

Пожары разрушали города и села, в кровавых сражениях и схватках погибал цвет чешского народа. Кровь залила прекрасный край. Брат губил брата, а чужеземец наступал им пятой на голову.

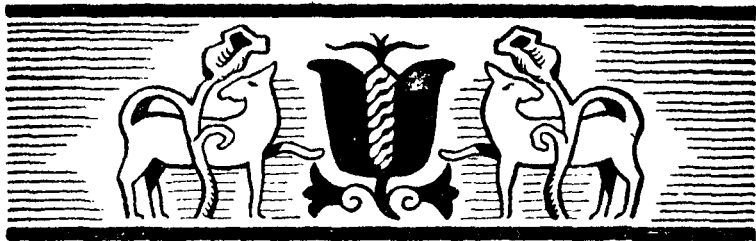
Но не была та ночь без конца.

Настал час, и золотая колыбель поднялась из темных вод. Ярко заблестало золото при дневном свете, и опочило в ней дитя—грядущий спаситель отчизны. Это был последний отпрыск когда-то мощного рода Пржемыслова.

Колыбель росла вместе с дитятей и выросла в золотое ложе, а дитя выросло в мужчину и стало отцом родины¹. В священном Карлштине находилось это зачарованное ложе. На нем отдыхал правитель, утомленный государственными делами и заботами о своем народе. Когда же он умер, не захотело другого хозяина золотое ложе и исчезло.

Оно снова стало колыбелью и погрузилось туда, откуда вынырнуло, в темную пучину, под Вышеградской скалою, и там ждет...

¹ Карл IV.

ДЕВИЧЬЯ ВОЙНА

Со смертью Либуши кончились для ее девичьей дружины красные дни. Девушки сразу почувствовали, что с ними уже не считаются. Очень им было досадно. С горечью вспоминали они то время, когда их княжна властвовала над мужчинами и над всею землею. Гнев охватывал их, когда мужчины говорили с усмешкой:

— Довольно вы пановали, а мы кланялись. Вот, вы и остались ни с чем

Девичьи сердца переполнились гневом и жаждой мести. Наконец девушки схватились за мечи и луки и, не рассчитав сил, вступили в бой с мужчинами. Предводительницей стала Власта, когда-то главарь Либушиной дружины. Она первая испустила боевой клич, первая взялась за оружие, собрала подруг и приступила к постройке девичьей крепости на высокой горе за Влтавою, как раз против Вышеграда.

Воинственные девы повиновались Власте как своей княгине и повелительнице. По ее приказу многие поехали в разные края и стали собирать жен и дев, уговаривая их все бросить и собраться в город Девин, чтобы идти на мужчин войною. Пусть-де ^{они} нам служат и за плугом ходят, а мы будем властвовать ^{над} страной.

Вызов Власты не был праздным гласом, который улетает с порывом ветра. Он, как искра, зажег женские сердца. Подобно

голубицам, покидающим свои гнезда, устремились жены и девы от своих мужей, отцов и братьев в новый град Девин. В горницах, палатах, на дворах и на валах собралось их видимо-невидимо.

Мужчины со стороны Вышеграда, забавляясь и посмеиваясь, смотрели, как девичье войско упражнялось в обращении с оружием и верховой езде; старые и опытные воины относились к этой затее презрительно. Когда при князе Пржемысле заходила речь о девичьей дружине, воины говорили о ней с насмешками, собираясь померяться с вонпельницами удалством и силою.

— Вот-то будет потеха!—говорили они.

Но Пржемысл не разделял веселого настроения своих воинов. Он был задумчив и казался озабоченным.

— Хотите знать, почему я не смеюсь с вами? И вы не смеялись бы, кабы у вас было видение, подобное моему, сегодня ночью.

И, желая предостеречь их, он поведал им, что видел:

— Была ночь. Воздух был полон густого смрадного дыма. В зареве пожара я увидел деву в шлеме, из-под которого развевались густые волосы. В одной руке держала она меч, в другой—чашу. На земле, в пыли, лежали окровавленные мужи. Та дева, как безумная, бегала по мертвым телам, собирала кровь в чашу и с жадностью хищника пила ее.

Взываю к вам, мужи. Прислушайтесь к голосу богов, не пренебрегайте знаменьями свыше. Видение то ниспослано мне, чтобы предостеречь вас. Внимайте ему и будьте осторожны!

* * *

Между тем жены и девы в Девине готовились к бою. Подавив в сердцах своих голос крови, они решительно объявили мужьям, отцам и братьям:

— Мы вам чужие и вас не знаем. Пусть всяк сам о себе заботится.

Сами же, все до единой, поклялись великою клятвою лучше погибнуть от собственного меча, чем уступить мужчинам или изменить своему делу. Потом присягнули на безусловное послушание своей предводительнице.

Власта назначила для каждой дело и место. Мудрейших призвала

в совет; благоразумнейшим поручила охрану города; отважнейших послала упражняться в боевых приемах, чтобы потом убивать мужей, как собак; красивейшим приказывала заманивать мужчин и губить их.

Мужи продолжали упорствовать в своем заблуждении и на предостережение князя не обращали внимания. Точно на веселый пир, собрались они на Девин. «Лишь появимся,—думали они,—да сверкнем мечами, девичье войско разбежится, как стая кошек».

Но случилось нежданное чудо. Девичье войско за стенами не спряталось и, подобно кошкам, не разбежалось. Прямо из ворот, под предводительством Власты, выступило оно в полном порядке. Сидя на вороном коне, Власта, в чешуйчатой кольчуге, шлеме и с копьем в руке, обратилась к своему войску с горячей речью, призывая подруг не бояться и мужественно разить врагов.

— Если будем разбиты в бою, мужи осмеют нас,—говорила она.—Работницами им будем или, еще хуже, невольницами. Лучше погибнуть,—чем попасть под их власть. Идем на них! Не щадить никого! Бейте каждого, кто бы он ни был: отец, муж или брат.

Окончив речь, Власта, издав боевой клич, пустила коня вскачь, махая копьем. Девичье войско вторило ей. Воодушевленные воевательницы ринулись в бой.

Подобно хлопьям снега, посыпались стрелы воевательниц. Тут уж мужчинам было не до смеха. Окровавленные, падали они целыми шеренгами, и, прежде чем успели опомниться, воевательницы уже летали между ними на своих буйных конях и кололи, рубили, топтали мужчин без пощады. Одна Власта заколола семь храбрейших воинов.

Бой длился недолго. Триста истекающих кровью мужчин полегло на земле. Остальные пустились в бегство и скрылись в ближайшем лесу; не будь его, они погибли бы все до единого.

Девин и окрестности огласились радостными кликами. Победа еще больше разожгла воинственный пыл женского войска. Весть о ней разнеслась по всему краю и привлекла новых воевательниц. Теперь с Властой были и те, которые раньше колебались.

Плохо приходилось мужам: многих находили по утрам убитыми или заколотыми книжалами, те, кто дорожил жизнью, уходили из дома ночевать в леса и горы.

Не везло мужам и с Девинном. Никак им не удавалось пробраться в город, ни силой, ни хитростью. В городе не было мужчин, и ни одна из женщин не стала изменницею. Зато женщины, остававшиеся в Вышеграде, тайно пособничали девичьему войску, сообщая им обо всем, что делается у мужчин: Власта и ее дружина всегда знали, к чему готовятся враги, куда собираются, где их можно подкараулить и как удобнее напасть на них.

Долго длилась эта война. Женщины истребляли своих врагов не только в открытом бою, но и хитростью и обманом. Так погубила одна красавица доверчивого юношу, упробив его освободить ее, когда она пойдет с подругами в Девин. Он пришел с товарищами в условленное место. Явилась девушка, которую он ждал с девятью подругами. В ту же минуту выскочил из засады целый отряд воительниц,—юноша и его товарищи были убиты.

Погиб также воин, поверивший одной красотке из дружины Власты, будто бы она ему сдаст Девин. По уговору она пустила его тайно в город вместе с многочисленною дружиною. Но ни один из них не вернулся домой.

Жертвою коварства пал также молодой воевода Цтирад, особо ненавидимый Властой за то, что от его меча пало в боях очень много воительниц.

Однажды в прекрасный летний день ехал Цтирад с несколькими мужчинами из своей дружины полем, направляясь из своих владений к Пражскому граду. Молодой воевода и его люди были вооружены мечами, луки и колчаны висели у них за плечами; у многих были и копыя. В те дни на каждом шагу можно было ожидать нападения из засады, и неблагоразумно было бы выехать в поле невооруженным и без охраны.

Солнце пекло, было душно. Ни колос, ни лист не шевелились в поле. Даже в лесу, куда вела дорога, не было прохлады. Тень деревьев и скал, обрамлявших глубокое ущелье, не приносила облегчения. Ни одной веточки не колыхал ветерок. Ручей в чаще кустов под скалою беззвучно катил свои воды. Казалось, все замерло: деревья, вода и птицы... Вдруг человеческий голос нарушил эту тишину: послышался не то стои, не то призыв к помощи.

Цтирад и его спутники с беспокойством прислушивались. Крик

повторился за скалою и внезапно умолк. В это мгновение над головою Цтирада взвился ворон и огласил воздух зловещим карканьем. Но молодой воевода и его приближенные не обратили внимания на предупреждение мрачной птицы. Все поспешили в ту сторону, откуда прозвучал крик. Обогнув скалу, мужи остановились, как вкопанные. Вот что они увидели.

У подошвы скалы, поросшей кустами ежевики и малины, на которых белели цветы и рдели ягоды, зеленела полянка, покрытая мятликом и красным маком. Огромный старый дуб высился близ скалы, а под ним полулежала девица, крепко привязанная к стволу. Обессилев от крика, она свесила голову. Прекрасные волосы ее рассыпались по плечам. На ремне у пояса висел охотничий рог.

Заслышав конский топот, красавица подняла голову и, увидавши воинов, слезно начала просить их во имя богов сжалиться над нею и освободить ее.

Тронутый красотою и жалобным голосом девушки, Цтирад позабыл всякую осторожность; позабыли ее и спутники его. Соскочив с коня и выхватив меч, молодой воевода перерезал путы и освободил девушку. Он и не подозревал, что все это козни Власты: проведая от одной из своих шпиюнок о дне, когда Цтирад поедет в Пражский град, Власта решила воспользоваться этим, чтобы погубить его. Этому должна была помочь одна из ее красивых дружинниц.

Освобожденная красавица горячо благодарила Цтирада и сообщила ему, что ее зовут Шарка и она дочь воеводы из Окоржина. Мятажницы из Девина напали на нее в роще, связали и влекли уже в свой город, чтобы присоединить к дружине, но, заслышав топот коней, не успели этого сделать.

— Потасили меня к дереву и так привязали,—рассказывала девушка,—что я не могла пошевелинуться. И, словно в насмешку, привесили мне рог, а вон и кувшин с медом поставили, чтобы я, глядя на него, еще больше мучилась жаждой.

Она указала на кувшин, стоявший в траве у ее ног, и с горькими слезами просила, чтобы воевода не оставил ее и отвез к отцу, пока не вернулись бешеные ратники из Девина.

Присев возле девушки, Цтирад стал утешать ее, обещал исполнить просьбу и подал ей кувшин с медом, чтобы она подкрепилась

после пережитых волнений. Девушка напилась и предложила ему.

Дружинники тем временем спешили, привязали коней и улеглись в тени. Был полдень. Пряный запах богородицкой травы и других цветов доносился с лужайки вместе с жарким дыханием полуденного солнца. Все замерло; только мотылек порхал над травой. У дружинников спалились веки, сон одолевал их.

А молодой воевода внимал сладким речам красивой Шарки и попивал мед из кувшина. Потом он взял рог, который девушка отвязала от пояса, и стал разглядывать его. А когда Шарка невзначай сказала: «Интересно, какой у него звук»,—Цтирад поднес рог ко рту и затрубил во всю силу своих легких.

Среди мертвой полуденной тиши гулко прозвучал этот звук. Эхо ударило его о скалы и унесло в глубь леса.

И вдруг... словно пробудилась заснувшая буря. Раздались дикие крики, из-за деревьев, из-за скал, из чащи леса, отовсюду, словно роящиеся пчелы, появились вооруженные воительницы. Прежде чем Цтирадовы дружинники опомнились, прежде чем они успели вскочить на коней и выхватить мечи, девичья дружина бросилась на них и заколола всех. Цтирад кинулся было на помощь, но, не успел он схватиться за меч, лежавший в траве, как воительницы повалили и связали его.

И вот он лежит в путях под тем самым дубом, к которому была привязана освобожденная им пособница Власты. Вне себя от ярости Цтирад призывал на Власту все адские силы, но Шарка и остальные лишь смеялись. С нескрываемым злорадством повели они в Девин красивого пленника, который должен был идти связанный около коня Шарки. Дружина его осталась на поляне на помятой траве, залитой кровью. Бездыханные лежали молодцы на солнце, пронзенные мечами. Рои мух садились на их лица, а в вышине кружил ворон, на предупреждение которого они не обратили внимания. Он каркал, сзывая товарищей на кровавую трапезу.

Так погибла дружина Цтирада вместе со своим воеводой. Дикое, скалистое ущелье, где это произошло, и по сей день называется Шаркой, по имени той, которая погубила воинов.

Наутро стражи и разведчики принесли в Вышеград страшную весть. Близ Девина они видели колесо и на нем изуродованное тело воеводы Цтирада. Девичье войско колесовало его.

Когда страшное это известие разнеслось по земле чешской, вооруженные мужи стали съезжаться со всех сторон в Вышеград. Возмущенные девичьей жестокостью, они просили Пржемысла вести их на Девин, чтобы отомстить за убитых и загубленных братьев. У иных нехватало терпенья дожидаться княжеского приказа, и они разбрелись по дорогам и били воительниц где попало. Многих взяли в плен и привели в Вышеград.

Власта рассвирепела, как львица, и, уверенная в победе, повела все свое девичье войско на Вышеград, решив взять его приступом и перебить всех мужей.

Но, прежде чем воительницы успели достигнуть стен города, навстречу им боевым строем выступили мужи, объятые жаждой крови и мести.

Начался жестокий бой. Власта на коне, во главе своего войска, ринулась на неприятеля. Она летела очертя голову, уверенная, что ее дружина следует за нею. Но не тут-то было.

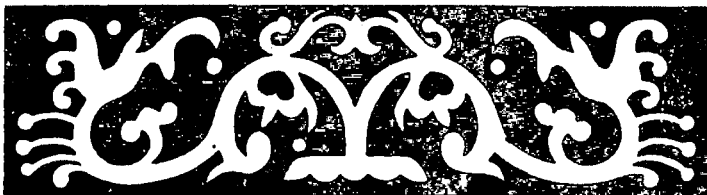
Соратницы не успели за нею, были оттеснены, и Власта очутилась одна среди мужчин. Сдавленная в рукопашной схватке, она не могла свободно действовать оружием. Ее стащили с коня и приняли на мечи.

Так погибла честолюбивая Власта. Другие тщетно пытались бороться. Когда же увидели свою предводительницу, повергнутую во прах, воительницы, перед которыми трепетали мужчины, сами затрепетали от страха и беспорядочно бежали к Девину, надеясь найти там безопасное убежище.

Много их осталось на поле битвы, много пало на дороге, но и те, которые добрались до Девина, не ушли от своей участи. Мужья гнались за ними по пятам и ворвались в город. Тут и пришел конец женской силе и молодечеству. Завопили и застонали воительницы чисто по-женски, признали мужей и братьев, падали перед ними на колени и, простирая к ним руки, просили пощады.

Но мужские сердца окаменели. Мужи мстили за Цтирада и за всех загубленных хитростью или силой. Мстили жестоко. Ни одной мятежнице не было пощады, всех умертвили и прекрасные тела их побросали из окон и с высоты валов. Уничтожив все девичье войско, мужи сожгли Девин и пепел разметали по ветру.

ЗНАМЯ СВЯТОГО ВАЦЛАВА

Летом зима была.

В 1125 году в июне, после троицына дня, настал в Чешской земле обильный снегопад, и наступили такие лютые морозы, что во многих местах деревья погибли и горные потоки покрылись толстым слоем льда. Когда же настала настоящая зима и все занесено было глубоким снегом, ко всеобщему ужасу начались летние грозы. Перед рождеством недели за три гремел гром и блистали молнии. Сильная гроза разразилась и в ночь на святого Стефана.

На второй день Нового года, перед рассветом, тяжелая туча, висевшая низко над покрытою снегом землею, вдруг разразилась громом. Небо беспрестанно разверзлось, огненные стрелы летали от края до края так часто, что глаз едва успевал мигнуть.

Люди набожно крестились и говорили, что эти знамения не к добру, что наступают времена тяжкие, будет война. Да как и не быть, когда князья жестоко между собою ссорились. Шел слух, по всему краю, по городам, городкам и пригородам, по деревням и селениям, что оломоуцкий князь Отик, по прозванию Черный, уехал в Баварию к германскому императору, чтобы выпросить себе престол двоюродного брата своего Собеслава, избранника чешского народа.

Всюду рассказывали с негодованием, что Отик, урожденный чех,

бесчестно изменил своему племени—он заискивает перед императором и просит помощи его и немецких князей против Собеслава и чехов, обещая чужеземцам все, чего они пожелают. Все понимали, что немцы не заставят себя упрашивать и, прельщенные обещаниями Оттика и надеждой на богатую добычу, не замедлят напасть на чехов. Глубоко возмутились чехи, узнав, что император Лотарь дерзкой речью вызвал князя Собеслава на суд, требуя объяснений, по какому-де праву принял он княжеское достоинство от чехов, когда подобное достоинство имеет право даровать только он, император. Пусть придет и даст ответ перед судом немецким, иначе он познает силу меча цезаря Священной Римской империи.

У чехов глаза загорелись от радости, когда узнали они об ответе своего князя немцам.

— Никогда земля чешская не будет во власти чужеземцев,— сказал Собеслав.

— Не будет! Бог даст, не будет!—кричали взволнованные чехи и с воодушевлением готовились к войне. Все эти думали, что война вспыхнет к весне, когда сойдут снега и просохнут дороги.

Но недаром горело на небе странное знамение. В ясную морозную ночь появилась звезда с хвостом. Грозно царила она меж других звезд, казавшихся маленькими, бессильными состязаться с кометой своим трепетным светом. Взоры всех обращались на небо. Все озабоченно спрашивали друг друга, что несет с собой это знамение, что предвещает оно? А наутро прилетела весть с Крушных гор и ударила, как гром с ясного неба: немцы уже выступили в поход. Император не хочет ждать весны и идет на чехов.

Заволновались Чешская и Моравская земли. Везде зазвучали воинственные крики и шли спешные приготовления. На морозы, на метели, на занесенные снегом дороги никто уже не обращал внимания. Неприятель готовился вторгнуться в родную землю, надо было оборонять ее. Князь звал на бой, милый, любимый народом князь Собеслав. Уже он шел из Моравской земли и всех призывал к оружию.

Народ слышал, что, где бы ни проезжал Собеслав, он обращался к чехам с призывом не бояться, держать себя, как подобает мужам. Говорил, что бог не допустит гибели правого дела, что он, князь, ради чести родной земли и своей собственной, не мог усту-

пить цезарю. С восторгом чехи передавали друг другу слова Собеслава.

— Мне легче видеть гибель всего моего рода,—говорил князь,— чем унижение и стыд моей родины.

Во всех концах страны чехи снимали со стен оружие—мечи, копья, луки с колчанами, щиты, шлемы с наносниками, чешуйчатые брони, кожаные, обшитые бляхами одежды,—и торопились в главный город своего округа, под его знамя, а оттуда в Прагу. Были тут конные и пешие, в бронях и шлемах, в тулупах и лаптях, в бараньих, волчьих и рысьих шапках. Несходны были воины одеянием, но едины по решимости и боевой отваге.

Когда все войско было в сборе, князь поручил духовенству принести копьё святого Вацлава, хранившееся в соборе святого Вита, чтобы завтра взять его с собою в поход как защиту и охрану против неприятеля.

Наутро, едва рассвело, воеводы и военачальники, войско и народ направились в собор, где перед выступлением в поход должна была совершиться литургия. Недоставало только князя. Он замешкался в беседе с духовником своим Витом.

Вит был муж сильный, родине преданный, храбрый и очень любимый князем.

— Слушай,—сказал ему князь,—какой странный я нынче видел сон. Приснилось мне, что приступил к моему ложу святой Войтех и велел взять на поле брани знамя его отца, то самое, что, по преданию, укрыто в Вербчанском храме. Чудесному этому совету надо последовать. Меня ждет войско, надо спешить, время нам уже выступать. После литургии мы тронемся в путь. А ты, отец мой, исполни мою волю. Садись на коня и спеши в Вербчаны. Не едь один, возьми с собой вооруженных воинов. Когда найдешь знамя, бери его моим именем и спеши за нами, чтобы во-время догнать нас.

Храбрый Вит, взволнованный рассказом князя о дивном видении и окрыленный надеждою на помощь и победу, немедленно собрался в путь. Не успела кончиться обедня, не умолкли еще последние песнопения, как он уже выехал из Праги. С ним были два земана¹ и несколько вооруженных дружишников. Они мчались на быстрых

¹ Земан — мелкий землевладелец (чешск.)

конях без отдыха и к вечеру уже въехали в тихое, засыпанное снегом селение.

На холме, высившемся над селением, стоял скромный сельский храм, окруженный высоким валом и стеною. Впереди, словно страж, охраняющий святыню, возвышалась высокая башня. В ней были ворота, ведущие на церковный двор. Настоятель встретил приезжих и повел их отыскивать тайник, где хранилось знамя святого Вацлава. День уже угасал, и косые тени падали на стены храма.

Вит, настоятель и дружина преклонили колена перед алтарем и помолились об успехе своего правого дела. Затем они зажгли восковые свечи и принялись за поиски. Вскоре за престолом в стене они нашли искусно скрытое углубление и в нем знамя из старого шелка с разрезом до середины и с вышитой на цельном конце звездою.

Возликовали присутствующие и, упав на колени, вместе с Витом громко славили бога, даровавшего им знамя как залог победы над врагами.

Едва дав отдых себе и коням, посланцы княжеские вскочили в седла и, не боясь ночной тьмы, пустились в путь. Они скакали со своим сокровищем, спеша во-время догнать войско. По мягкому, снегу, в тихую морозную ночь, под ясным небом, на котором грозно нависла комета, окруженная сонмом трепетно мерцающих звезд...

Так летели они днем и ночью без отдыха вслед чешскому войску. На утопанном снегу видны были многочисленные следы копыт и колен, оставленные полозьями тяжело нагруженных саней.

Этой дорогой войско прошло на север. Оно шло в облаке пара от разгоряченных коней. Мороз румянил лица и серебрил усы и бороды всадников, гривы коней совсем заиндевели.

Когда послы проехали Теплицу, на горизонте, в беловатом тумане обрисовались очертания Крушных гор. Там послы догнали свое войско. Вит соскочил с коня и вбежал в княжеский шатер.

Крепко обрадовался Собеслав и, возблагодарив господя, велел возвестить войску о привезенном сокровище.

Вихрем пролетела весть по лагерю, и всякий, кто только мог, бросился к княжескому шатру посмотреть на знамя. У шатра, в шубе, отороченной мехом, стоял статный князь. Он поднялся на сани и был всем виден. Подле него находился Вит. Оба они были

с непокрытыми головами. Подняв знамя высоко над головою, князь воскликнул громким голосом:

— Вот знамение милости божией: копье святого Вацлава, и— глядите воины!—знамя, ниспосланное нам святым Войтехом!

Все люди, стар и млад, воеводы, рыцари и простой люд снимали шапки, преклоняли колена, осеняя себя крестным знаменем. Крики восторга, радости, надежды и благодарности неумолчно раздавались вокруг княжеского шатра. Радостная весть полетела дальше и достигла караулов, где, стоя в снегу, воины сторожили дороги и ущелья. Она докатилась до самых передовых постов, которые наутро дали знать о появлении немцев.

Приближалась великая сила разного немецкого люда. Тут были саксонцы, фламандцы, фризы и брабантцы, швабы и баварцы. Бесконечные ряды войск чернели среди снежных вершин. Словно исполинский змей, вились они по горам то вверх, то вниз, то опять вверх. Тяжело шагали усталые люди и кони. Утопая в снегу, спотыкались они, падали и, несмотря на мороз, обливались потом. От коней пар валил столбом. Тяжелое вооружение изнуряло воинов.

Многие рыцари, сняв вооружение, шли возле коней пешком. Пешее войско изнемогало и часто останавливалось. В передовых рядах ехал статный рыцарь в кольчуге. Это был маркграф Альбрехт, прозванный «Медведь», и с ним рядом—смутлый, черноволосый Отик Черный, вооруженный с ног до головы. Они поглядывали кругом и подгоняли отстающих.

С вершины широкой волной хлынули немцы вниз на Хлумецкую долину. Там стройными рядами стояло чешское войство с развевающимися в мгlistом морозном воздухе знаменами, над которыми как святыня всего войска высилось знамя святого Вацлава. Его держал Вит, в кольчуге и шлеме, а кругом стояло сто знатнейших чешских рыцарей и духовенство—почетная стража святого знамени.

Взгляды чехов устремились вперед, на несметную силу врага. Конца не видно было этой силе. Вся долина кишела немцами, куда ни кинешь взор—их шлемы и копыя. Наступила решительная минута. Перед тяжким, неравным боем у каждого воина сжалось сердце.

Вдруг кто-то вскрикнул и указал вверх. Все взоры устремились к небесам. Высоко в воздухе парил орел, раскинув свои могучие

крылья. Он пронесся над чешским войском и полетел к немцам. Все притаили дыхание, словно замерли. В воцарившейся тишине громко прозвучал крик орла. Он кричал над немецким войском, словно требуя себе добычи.

И вслед за этим, глядь, еще доброе предзнаменование: над чешским войском раздался могучий звук колоколов. Волны торжественных звуков, сливаясь с хвалебным гласом, возносившимся к небесам, воодушевили воинов. Лица прояснились, глаза загорелись, люди затрепетали от благоговения. Умилением дышало лицо Вита, слезы струились из его глаз.

— Братья!—громко воскликнул он.—Господь бог с нами! Будьте тверды и неустрашимы. Смотрите, вон святой Вацлав, окруженный сиянием, на белом коне, в белой одежде, с копьем и хоругвью в руках. Он оражает за нас! Смотрите! Он возносится над нами—он, преблагий Вацлав, отец Чешской земли!

В глубоком благоговении, со слезами на глазах, воздев руки к небу, воины, движимые общим чувством сердечного умиления, запели в один голос: «Господи, помилуй!»¹ Далеко по долине, покрытой глубоким снегом, прозвучала торжественная песнь, наследие предков. Под звуки этой песни Собеслав с обнаженным мечом ринулся на неприятеля, и за ним, горя боевой отвагой все войско его.

Шум боя заглушил священную песнь. По долине разнесся гул от жестокой битвы. Немцы бились храбро, но не смогли устоять. Словно морской прилив, надвигались на них чехи; впереди—главное войско, по бокам—запасные отряды. Кололи, рубили неприятеля, пронзали его красные кафтаны, теснили врага к ложине. Сдавленные со всех сторон, немцы сбились в толпу, не в силах двинуться ни вперед, ни назад. Сотни их падали в жестокой сече. Снег побагровел от пролитой крови, которая тотчас же застывала на снегу, на одежде, на оружии и даже на ранах.

Немцы побросали оружие, и кто мог спасался бегством. Иные, воткнув меч в снег, сдавались и просили пощады. Между пленными оказались: епископы Межиборский и Гальберштадтский, граф фон Лара и сам маркграф Альбрехт Медведь. А тот, кто был виновником неправой войны, Отик Черный, лежал, пораженный

¹ Чешская песнь X века.

на смерть. Число убитых немцев было велико: пало до пятисот именных воинов, а остальных не перечеть.

В отчаянии глядел с горы Лотарь на разгром своего войска, но помочь ему был не в силах. Уже и ему самому грозила опасность. Он хотел было отступить с остатками войска, но было поздно. Чехи преградили путь немцам, которые были настолько ослаблены, что не могли пробиться. Император был окружен и взят в плен со всею своею свитою. Ничего более не оставалось ему, как просить о мире. Генрих Гройский отправился к Собеславу и просил его притти к Лотарю. Чешский князь пришел и поступил великодушно. Когда цезарь признал его избрание и вытекающие отсюда права, Собеслав отпустил его.

Мрачный возвратился Лотарь с остатком своего войска во-свояси. С его приездом вся Немецкая земля облеклась в траур, особенно саксонцы, которые потеряли в Чешской земле цвет своего родовитого дворянства.

С богатой добычею возвращалось из Хлумец победоносное чешское войско. Радостная весть о победе летела впереди них. Всюду с благоговением выслушивали рассказы о дивной помощи свыше, о знамени святого Вацлава и говорили, что ни отцам, ни дедам не выпала на долю такая слава, какую стяжало себе чешское войско в Хлумецкой долине. Несказанная радость охватила сердца всех чехов. С торжеством и почетом встретила Прага храброго князя и его славное воинство.

* * *

Предание рассказывает еще об одной славной победе, достигнутой при помощи свыше и о дивном видении Яна, сына Свойслава.

Это было в 1260 году, когда чешский король Пржемысл II воевал с венгерским королем Бэлой и младшим Стефаном. Долго стояли два войска друг против друга на берегах реки Моравы: чехи—на правом, венгры и их союзники—на левом. Всех их было больше ста сорока тысяч,—сила великая, да еще большинство в конном строю.

Войско чешского короля едва достигало ста тысяч, из них семь тысяч всадников, от головы до пят покрытых броней; даже кони были в броне.

Так стояли войска друг против друга, и река между ними катила свои воды. Никто не решался переправиться первым и очутиться лицом к лицу с неприятелем.

День шел за днем; минула неделя. Короли, вступив в переговоры, решили, что чехи в назначенный день отступят от реки, а венгры на следующий день перейдут на другой берег; тринадцатого числа июля месяца, в день святой Маргариты, оба войска должны были вступить в решающую битву.

Порешили и присягою утвердили уговор венгерский король и его вельможи. Но венгры уговор и присягу нарушили и, переправившись на другой берег, большою силою не тринадцатого, как было условлено, а двенадцатого ударили на чехов.

Чехи же, полагаясь на честность противника, не готовились в этот день к бою. Многие уехали на фуражировку. Когда венгры неожиданно напали на них с трех сторон, чехи очутились в большой опасности. Страх объял чешское войско, когда послышался дикий крик озверелых вражеских всадников. Подобно туче саранчи, скакали они на конях своих, под копытами которых дрожала земля. Но вот среди чехов послышались звуки родной им песни «Господи, помилуй», и главный военачальник водрузил знамя Чешской земли. Страх как рукой сняло, и чешское войско мужественно вступило в бой.

Где бы ни появлялся пан Ярош из Подегуз со знаменем, неприятель отступал и обращался в бегство. Ни пан Ярош, ни сопровождавшие его отважные мужи не получили ни одной раны.

В самый разгар битвы, в жаркий полдень, когда люди изнемогали от зноя, чешские воины, стоявшие за главным войском, в запасе, увидели дивное зрелище: над их войском, конным и пешим, над морем шлемов и знамен появился громадный орел, цветом белее снега, с золотистой головой и шеей.

Распространяя вокруг себя яркое сияние, орел, широко раскинув крылья, парил над самым знаменем святого Вацлава. Где бы ни появлялось оно в руке чешского пана, среди самой жестокой сечи, орел следовал за ним.

Вдруг белая сияющая птица начала увеличиваться; крылья ее росли и ширились с поразительной быстротой. Тень от них, словно от гигантской тучи, падала на изнуренных воинов и освежала их.

Хоругвь святого Вацлава отчетливо выделялась на этом темном фоне, и ее золотой крест горел ярким светом.

Потух свет, исчезла птица, и жгучее солнце снова засияло над воюющими. Это было в послеобеденный час, когда по моравскому полю гремел победный крик чешского войска, уже гнавшего венгров, в беспорядке отступавших к реке. В паническом ужасе бросались они в воду, спеша достичь другого берега, и погибали в волнах люди и кони, гибли в таком количестве, что запрудили реку, и чехи по груде мертвых тел перешли, как по мосту, на другую сторону и завладели лагерем с богатою добычею.

На войну с венграми собирался также Ян, Свойславов сын. Конь и вооружение были уже готовы, но жестокая болезнь повергла Яна на скорбное ложе, и он пролежал несколько недель. Очень горевал он о том, что не мог идти с королем своим, и особенно было для него тяжело, что с поля битвы не доходили до него вести. Вестей этих он ждал с нетерпением.

Однажды, когда весь двор еще спал крепким предутренним сном, с больным сделался такой сильный припадок, что близкие, сидевшие у постели, подумали, что настал его смертный час. Лицо посинело, взгляд полуоткрытых глаз померк, стесненное дыхание вздымало грудь.

Вдруг он утих, и лицо его сразу изменилось. Появился румянец, уста улыбнулись, открылись глаза, в них блеснула жизнь. Больной сел на постели и взволнованным голосом сказал:

— Послушайте, что мне сейчас привиделось. Я был на поле брани и видел, как боролись наши братья. Венгры напали на них неожиданно, когда они не были готовы к бою. Трудно пришлось им, болью сжалось мое сердце. Вдруг я увидел... Слушайте, слушайте! Я увидел окруженного снянием святого Вацлава в сверкающей броне и шлеме. На поясе у него висел меч в золотых ножнах, украшенных жемчугами, а в руке было знамя. Его сопровождали святой Войтех в епископской одежде, святой Прокон с посохом в руке и пять братьев мучеников¹ в монашеском одеянии.

Святой Вацлав оглянулся на святых мучеников и сказал—я ясно это слышал: «Наше войско изнемогает, идем ему на помощь!»

¹ Пустынники в польских землях, замученные разбойниками в 1004 г.

Сказав это, он наклонил знамя в сторону неприятеля. Все обратились в бегство, а наши гнались за ними с пением.

Ян Свойславов сложил руки, а стоявшие кругом его лошади преклонили колена.

— Видно, бог дал сегодня победу нашему войску,—шептали они.

Когда войско вернулось с поля битвы, то выяснилось, что видение посетило Яна Свойславова как раз на рассвете того дня, когда чехи на Моравском поле одержали славную победу над венграми. Это был двенадцатый день июля месяца года от рождества Христова тысяча двести шестидесятого.

* * *

Во время смут, потрясавших Чешскую землю, знамя святого Вацлава исчезло неведомо куда и как. Предание гласит, что оно не было уничтожено дерзкою рукою и не попало во власть чужеземцев. Люди верят, что знамя и теперь находится там, откуда в час грозной опасности было взято, чтобы развеяться над чешским войском,—в храме Вербчанском.

Но не там лежит оно, где раньше, а в другом, более безопасном и недоступном месте—внутри холма, на котором стоит церковь, в крепком склепе, на мраморном столе. Тихо в склепе. Не слышно там бряцанья оружия, не долетают туда воинственные крики героев. Но во мраке подземелья, символом надежды в годину бедствий, ярко светит древко святого знамени, а сверху из храма звучат воинственные песни: «Господи, помилуй!» и «Святой Вацлав, покровитель земли чешской, огради нас!»

Все предания свидетельствуют о том, что потомки не забыли славного прошлого, жива в них отвага и не устанут они бороться за права своей земли и за язык отцов.

О СТАРОЙ ПРАГЕ

Однажды король Карл IV, находясь в Пражском замке, пригласил к себе архиепископа Арнушта из Пардубиц, канцлера и высшего бургграфа чешского королевства, несколько вельможных панов и дворян чешских и некоторых знаменитых ученых магистров, в том числе придворного астролога. В роскошной палате, деревянный потолок которой был украшен резьбою, живописью и позолотой, а стены—дорогими французскими обоями, сидел Карл со своими гостями за столом, где, при ярком свете многих сотен восковых свечей, блестела золотая и серебряная посуда, тарелки, чаши и кубки замечательной формы и отделки.

Когда собравшиеся поужинали и в палате стало жарко, император встал и, пригласив своих гостей подышать свежим воздухом, вышел с архиепископом на балкон. За ними последовали паны и магистры, продолжая оживленно разговаривать.

Но когда общество вступило на просторный балкон, умолк король и его собеседник, а с ними все, пораженные красотой города, раскинувшегося у их ног. Прага дремала, залитая мягким светом полной луны. В местах, куда не проникал свет, лежали густые тени. В чудесной игре светотени выступали кровли высоких домов, галереи, церкви и башни. Луна-серебрила окна строений, и в ее таинственном свете тонули городские сады и сводчатые арки, а купы деревьев в парках и на островах принимали мягкие, неясные очертания.

Все дышало глубоким покоем, только снизу доносился глухой шум мельничных колес. Король и вельможи, восхищенные красотой ночи, блуждали взорами по скатам холма Петржин, утопавшего в синеватом сумраке, по Малому городу¹, лежавшему как раз под ними. Они смотрели на освещенное пространство у реки, где виднелся дворец архиепископа и блестела позолоченная кровля его сторожевой башни; смотрели на старый мост, на реку, которая светилась, как расплавленное серебро, и дальше, на остальную Прагу, на Старый город, окруженный стенами и бастионами, за которыми возносились к небу храмы и башни.

За Старым городом было больше простора. Храмы Лазаря и Петра уже не жались среди скученных построек, а стояли свободно, на Здравском холме. Еще дальше дремала деревня Опатовицы, деревня Ръбник с костелом святого Стефана. Лунный свет лился на сады и нивы с зреющим колосом, на виноградники, уже подернутые беловатым туманом.

Все молча любовались чудесной картиной. Наконец король, глубоко тронутый, произнес:

— Прекрасна земля моя. Крепко люблю я ее, прекрасную из прекрасных. Да будет благословен мой вертоград и красивейшее в том вертограде место—Прага. О Прага, может ли что сравниться с тобою!

И глаза короля загорелись восторгом.

— Прекрасный город,—промолвил Арношт из Пардубиц.—Прекрасный и счастливый, благословенный святым Вацлавом, а твоими заботами украшенный. Исполняется пророчество прамати твоего величества: растет Прага в величии и славе, князья кланяются ей. Славна и чтима она во всём мире, и слава её да возрастет и впредь!

— Рад бы я ее с помощью божией еще более возвеличить,—взволнованно промолвил король.—Верю и надеюсь...

Потом, обратившись к ученому астрологу, задумчиво смотревшему вдаль, король сказал:

— Почтенный магистр! Разве не прекрасна будущность этого города? Отчего же ты хмуришься? Объясни!

¹ Район Праги.

— Не хотелось бы мне в эту минуту открывать твоему королевскому величеству, что предвещают небесные знамения.

— Нет, нет, говори. Я хочу знать, что ты прочитал в звездах.

— Мрачные предзнаменования, милостивый король.

— Хочу знать о них. Говори!

И опечаленный магистр объяснил королю и его свите значение предзнаменований.

— Открыто мне знамениями свыше,—сказал он,—что Малый город от огня погибнет, а Старый—от воды. Все сгинет, и не останется камня на камне.

С ужасом внимая мрачным предсказаниям, придворные смотрели на короля, который казался смущенным и взволнованным.

— Не погибнет Прага,—воскликнул он,—будет цвести и разрастаться! Если погибнут Старый и Малый города, вместо них я поставлю новую столицу. Смотрите, вон там будет новая, великая Прага.

И король указал за Старый город, вверх по широкому склону, к полям и садам, к деревням Рыбнику и Опатовицам. Все присутствующие вздохнули с облегчением, и лица их прояснились, а мудрый архиепископ громко высказал то, что было в сердцах у всех в эту минуту:

— Бог да благословит твое величество.

Как сказал Карл, так и стало. Тотчас же начались приготовления к закладке нового города; Карл сам вымеривал землю, обозначал места бастионов и назначал, где закладывать фундамент. Он присутствовал при планировке улиц, определял места рынков и площадей; разговаривал и советовался со строителями. Часто король приезжал посмотреть, как идут работы, беседовал с каменщиками и поденщиками, спрашивал их мнения, оделял дарами и радовался, что дело идет на лад.

Однажды, возвратившись из путешествия по немецким землям, король увидал, что в его отсутствие проложили новую улицу и уже строят дома. Раздосадованный, он спросил, кто приказал вывести эту улицу.

— Никто не приказывал, ваше величество,—отвечал струсивший строитель.—Мы все думали, что так будет хорошо. Прикажешь ее уничтожить?

— Пусть остается и называется «Неказалка»,—порешил король. Так эта улица зовется и до сих пор.

Не по дням, а по часам рос новый город. Стросния вырастали, как грибы после дождя. Не только за счет горожан строился город, крупнейшие расходы взял на себя властитель земли чешской. Великолепные монастыри, церкви и башни строились за его счет. Так Карл заложил и храм святого Иерошима и при нем монастырь. Храм был так велик, что на бревна понадобился целый лес. Двадцать лет строился храм и стоил, как говорили, только на одну копейку меньше Каменного моста. И когда храм был достроен, монахи, которых король пригласил сюда из Далматской земли, впервые после многих веков отслужили в чешской церкви литургию по славянским книгам и на славянском языке. И до сих пор храм этот называется «На славянех».

* * *

Вскоре Карл заложил новый собор на самом высоком месте против Вышеграда. Проект составил молодой пражский зодчий. Внимательно рассмотрев проект, король поразился, как грандиозно и смело задумана постройка.

Не только на него произвел такое впечатление замысел молодого зодчего. Дивились знающие, искушенные в своем деле строители. Они говорили, что их юному коллеге не возвести подобного храма, в особенности не вывести сводов. Таких сводов Прага до той поры не видывала. Но король утвердил план молодого зодчего, и тот ревностно принялся за дело.

Быстро рос собор. Уже возведены были восьмугольником стены; уже появились двойные и тройные окна прекрасной готической формы; возник портал с изящными лепными украшениями, а широкое пространство собора стало перекрываться смелыми, дотоль невиданными сводами, наподобие купола.

Еще внутри собора стояли леса, и сквозь сеть досок и бревен не видно было сводов, а уж ученые зодчие, покачивая головами, говорили, что молодой строитель зарвался, что своды не выдержат, что это небывалая, невиданная вещь и что, когда снимут леса, купол треснет и все обрушится.

Такие речи сильно действовали на молодого зодчего. Змея

сомнения заползла в его душу, и он начал терять веру в самого себя. Уже он не спешил на постройку с таким пылом, как прежде, а дома в уединении стал тревожен и раздражителен. Он постоянно чертил, высчитывал, выдержат ли своды, и ни днем, ни ночью не имел покоя.

Заботы и тревоги лишили его сна. До глубокой ночи сидел он в своей мастерской, а когда ложился, продолжал еще соображать и обдумывать. Вспоминались речи товарищей-строителей, молодых и старых, их намеки, предостережения, сомнения, усмешки. Иногда он представлял себе, что будет, если ему не удастся докончить своды или если они обвалятся и он, вместо славы, покроет себя позором. Несчастный строитель поднимал с подушки разгоряченную голову, вставал и начинал ходить по комнате. В одну из таких ночей он не выдержал и побежал в новый город.

Там, в темноте ночи, высилось его здание, еще не оконченное, еще опутанное лесами. Кругом царила тишина. Тихо было и внутри; тихо и пустынно. Не стучали молоты, не гудели голоса рабочих. Глухо раздались шаги строителя, когда он вступил на середину храма.

Сквозь окна без стекол мерцало звездное небо и лился лунный свет. Подняв взор кверху, смотрел молодой строитель туда, где возникал звездообразный свод. Духовными глазами он видел этот свод уже оконченным: большая восьмигранная звезда и в ней две малые. Видел залитый солнечными лучами собор с его скульптурою, живописью и позолотою. Вот входит король с вельможами; за ними—народ. Все лобуются собором. Взоры всех с восторгом останавливаются на необыкновенно смелых по замыслу сводах...

Мечты отлетели, и перед художником предстала действительность с ее мучительными сомнениями. А вдруг ничего этого не будет, наоборот, своды рухнут и собор останется недоконченным...

Душа художника возмутилась. Он поднял руку и поклонясь, что храм будет окончен и своды выведены, хотя бы ему пришлось призвать на помощь самого дьявола. И дьявол явился; он похитил слабую душу и помог довершить постройку здания. Строители со дня на день ждали, что своды обрушатся, но этого не случилось. Последний клин был вбит и своды окончены. Оставалось только снять леса, чтобы великолепное творение предстало во всей красе.

Но тут возникло затруднение. Ни один человек, ни каменщик, ни чернорабочий, не решался этого сделать. Каждый боялся, что свод обрушится, как только будут сняты леса. Напрасно молодой строитель уговаривал рабочих, обещал награду; наконец сам хотел разобрать леса, но его не допустили, как полагали, на верную смерть, не дали даже ступить на лестницу.

— Тогда сожгу их!—крикнул он вне себя.

Огромная толпа народа стояла вокруг собора в волнении, ожидая, что будет. Все были уверены, что свод рухнет, когда поддерживающие его леса сгорят.

Страшный треск раздался в соборе. Толпа в ужасе бросилась прочь, крича: «Обвалился! Рухнул!» О строителе никто и не вспомнил.

А он, несчастный, глубоко потрясенный, стоял перед собором и смотрел, как из окон валялись огромные клубы дыма.

«Дьявол обманул меня!»—мелькнуло у него.

И, не желая присутствовать при гибели своего творения, он бросился бежать, словно все адские силы гнались за ним.

Но вот рассеялся дым, последние клубы разнес ветер. Народ снова собрался к собору, все взоры устремились на купол, и что же!.. Купол величаво возносился к небу. Люди устремились в собор. Обгорелые бревна и доски грудой лежали на земле, а над ними, над всей ширью огромного собора, раскинулся ничем не поддерживаемый звездообразный свод. При солнечном свете во всем своем великолепии, целый и невредимый, он был блистательным доказательством таланта строителя. Все присутствующие глядели, восхищались и радовались.

Вспомнили, наконец, о строителе. Окликали его, спрашивали о нем, искали. И, наконец, нашли его дома мертвым. Несчастный в отчаянии лишил себя жизни.

То, о чем мечтал он в ту мучительную ночь, что представлялось ему в честолюбивых грезах, все исполнилось. Собор был окончен. Каждый, кто входил в него, от короля до простого поденщика, тотчас же обращал внимание на замечательные арки свода, смело связывающие стены храма. И каждый со вздохом вспоминал несчастного строителя, заплатившего жизнью за свое гениальное произведение.

На Градчанах, в королевском кремле, возносилась новая славная постройка короля Карла—храм святого Вита. За рекой, на новых местах, быстро рос Новый город. Наряду с этими памятниками король задумал и выполнил новую постройку—каменный мост через реку Влтаву.

Мост пережил века, пережил эпохи славы и унижения чешского народа. Многие изменилось со времени его постройки, споры и междоусобия посеяли рознь между людьми одной крови и одного языка. Мост пережил бурные волнения, народное унижение и упадок народной силы и мощи. Все выдержал этот памятник лучших дней, он устоял как бы для того, чтобы поддержать слабых духом воспоминанием о славном прошедшем.

В те времена из всех мостов в свете самым прочным и надежным считался мост Карла IV. Известь, скреплявшая его столбы и арки, была замешана на яйцах. Можно себе представить, какая масса яиц понадобилась на это громадное сооружение!

Ни в Праге, ни в окрестностях, конечно, яиц нехватило. Карл отдал приказ по всем городам и селениям чешским, чтобы каждое из них доставляло известное количество яиц на постройку пражского моста. Яйца прибывали целыми возами; их разбивали и на них замешивали глину.

Среди других и селение Вельвары послало свой воз, вполне уверенное, что яйца хорошо сохраняются. Когда рабочие на стройке моста разбили два-три яйца, то глазам своим не хотели верить и, наконец, принялись хохотать до упаду. Смеялись строители, смеялись каменщики, смеялась вся Прага, и всюду с хохотом рассказывали, что из Вельвар привезли целый воз крутых яиц.

Когда идешь по мосту к замку королей чешских, налево видна тянущаяся вдоль Петржина длинная зубчатая стена. Эта стена, повидимому, ни на что не нужная, также дело... Карла IV. Вот ее история.

Однажды в земле чешской были голод и большая смертность. Нехватало работы для прокормления голодного люда. В эту тяжелую пору собралось в Праге более двух тысяч бедняков. Когда Карл выходил из дворца, они окружали его и со слезами просили

работы без вознаграждения, за одни харчи, лишь бы не умереть с голоду. Король, огорченный их несчастьем, велел им собраться на следующий день на том же месте и в тот же час. Когда бедняки собрались, Карл приказал проводить их на холм Петржин и, приехав туда сам, велел ломать камень и ставить стену от Влтавы через Петржин к Страховскому монастырю.

Рабочие не получали денег, но хлеба и иных харчей им приносили вдоволь; кроме того, им давали обувь и одежду. Прослышали о том другие голодающие и целыми толпами привалили в это место и прилежно работали. Карл часто приезжал на Петржин в свою «семью», как он называл бедняков. Тысячи людей благовословляли его.

Камень, который ломали и тесали бедняки, превращался для них в хлеб; поэтому стену на Петржине называли «хлебной», а также «голодной», (так она называется до сих пор)—она дала хлеб, поборол голод и пужду.

А зубчатая она будто бы потому, что благодаря ей голодающим не пришлось «положить зубы на полку».

* * *

Жил в Праге один богатый человек, по имени Ротлев. Однажды купил он на Иловой горе заброшенный рудник, в надежде, что там еще есть золото. Ротлев нанял рудокопов и начал усердно копать, не жалея затрат. Копал, копал, но до золота не добрался.

Рудник шел щебнем и булыжником, золота не было и следов. Много денег истратил Ротлев; когда все средства его иссякли, он стал залезать в долги, лишь бы работа не стояла.

Друзья и приятели предупреждали его, говоря, что он золота не найдет, а потеряет и то, что имеет. Но Ротлев был уверен, что отыщет золото. В этой уверенности он продавал свое имение по частям и вырученные деньги тратил на рудник. Однако скоро продавать стало нечего и платить рудокопам было нечем. Ротлев пришел в отчаяние. Горевал он не потому что промотал все свое имущество, а потому, что не мог рыть дальше. Он упорно твердил, что золото непременно найдется, если порыть еще хоть чуточку. Никто уже не верил ему, все смеялись. Одна жена не сомневалась в нем. Ей жаль было мужа, но чем могла она помочь? Свои дра-

гоценности она давно уже отдала ему. Из всего богатства она припрятала только затканную золотом вуаль—драгоценное воспоминание о счастливых днях юности. Вуаль эту ей подарил муж, когда был еще женихом.

Но и с вуалью пришлось расстаться. Ротлев продал вуаль и с вырученными деньгами побежал в рудник.

И вот только рудокопы взялись за работу, как напали на богатую золотую жилу. Это была такая мощная жила, что, разработав ее, Ротлев не только вернул в короткое время все, что потратил, но и сверх того приобрел огромное состояние. Участок, который принес ему счастье, он в благодарность назвал «Вуалью».

В Праге, в Старом городе, Ротлев построил великолепный дом, один из лучших во всем городе. Впоследствии король Вацлав купил этот дом и подарил Карлову университету. Таким образом дом этот, возникший благодаря рудникам, сам стал рудником, где многие поколения добывали сокровища знания.

* * *

Осенью 1378 года тихо и пустынно было в Карлштинском замке. Не опускались подъемные мосты, не раздавался на них топот коней короля и свиты. Королевские покои были заперты, веселый огонек не озарял по вечерам их окна. Тишина царила в замке; лишь холодный осенний ветер гулял на свободе и разносил окрики часовых с шести башен королевского замка.

«Прочь от замка, прочь!»—раздавалось с башен. Уныло звучали эти протяжные крики во мраке глухой пасмурной ночи. Но не стало веселее и утром, когда рассвело и солнечные лучи озарили красно-желтую осеннюю листву.

Не звучал охотничий рог, не раздавался веселый собачий лай, не оживлялись криком охотников убранные в осенние цвета горы и доли. Старый дуб на лесной дорожке, по которой ходили из Карлштина в пещеру святого Яна, стоял печальный и одинокий. Не приходил добрый король Карл IV посидеть на его мшистых пнях точно в кресле, как частенько он это делывал раньше.

Великая скорбь царила в Карлштинe и в окрестностях. Король лежал в Пражском замке на смертном одре, с которого ему не суждено было встать. Он сам знал это и спокойно ожидал

смерти. У его ложа стояли архиепископ, сыновья и вся королевская семья. Умиравший король, благословляя слабеющей рукой сына своего и наследника Вацлава, завещал ему править мудро и справедливо.

Вдруг на башне святого Вита ударил колокол—раз, два, три—торжественно, звучно. На третий удар отозвался отходный колокол, в который обычно звонили по умирающим. Жалобно, заунывно прозвучал его медный голос.

Звонарь Святовитского собора, услышав зvon, в испуге бросился на колокольню. Башня была заперта, ключ висел у звонаря на поясе, а «отходник» звонил.

Быстро взбежав по лестнице, звонарь отпер двери и остановился в изумлении: колокол звонил сам собой. Ему отозвались остальные на башне святого Вита и на других колокольнях. Все колокола звонили, и их торжественный глагол возвестил удрученной Праге о великой утрате. Под звуки торжественного благовеста душа доброго короля, отца народа, вознеслась в область вечного света и вечной славы.

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ

Ни сейм народный не собирался в Староградской ратуше, ни земский сход, ни тяжба особенно интересная не разбиралась там, а народ валом валил к ратуше с утра до вечера. Кто приходил, тому не хотелось уходить; пражане стояли и ждали часами, теснясь на площади.

Все спешили к ратуше потому, что на ее башне появилось диво-дивное—новые часы, новый «орлой».

Повсюду говорили о них; в королевском дворце, в городах и местечках, в панских замках и крестьянских хижинах, в корчмах и на улицах—словом, всюду толковали о том, что староградские часы так необыкновенны, что других таких и на свете нет.

Горожане и ремесленники, старые и молодые, женщины и студенты,—все останавливались перед ратушей, поднимались на цыпочки, вытягивали шеи и глазели на огромный циферблат с 24 цифрами, по числу часов в сутках; на круге под циферблатом были нанесены знаки зодиака, круги и радиусы; особенное внимание зевак привлекали фигуры смерти, турка и скряги с мешком денег, украшавшие часы.

Вокруг ратуши не умолкали разговоры, восклицания, и все это сливалось в общий гул, похожий на шум воды, прорвавшей плотину.

Но вот начался бой часов, и толпа мгновенно стихла. Люди

показывали с удивлением друг другу на часы, все взоры были устремлены на смерть, которая была в набат.

И вдруг, ко всеобщему восхищению, открылись наверху два оконца и показались апостолы. Они шли один за другим, все двенадцать, с запада на восток, и, наконец, прошел сам Христос, благословляя толпу. Люди в толпе снимали шапки, многие крестились. Затем статуи по бокам циферблата пришли в движение: скряга с мешком вертелся и корчился, смерть открывала косявые челюсти, а старик возле нее качал головой, словно протестуя против ее власти.

Но вот открылось самое верхнее оконце; из него выставился петух и закукарекал.

Толпу охватило веселое настроение, люди смеялись, слышались возгласы одобрения.

Не переставая, шумела и гудела толпа, как бурливый поток. Все говорили, что мастер, создавший орлой, одарен свыше великим талантом, отмечен богом среди других людей. Называли имя магистра Гануша. Он-то и создал эту необыкновенно хитроумную вещь.

Доктора и магистры в темных плащах и беретах, стоявшие около часов, тоже хвалили мастера. Стояли тут важные персоны, худые и толстые, говорили по-латыни и по-чешски, и все о кругах и знаках. Глядя на петуха, смерть и другие фигуры, они презрительно улыбались, говоря, что эти пустые игрушки годны только для потехи простого люда, что орлой и без этих фокусов поражает своим совершенством, особенно в области астрономии; он показывает движение солнца, градус, на котором оно ежедневно находится, час, в который восходит и заходит. Еще показывают часы, как высоко солнце стоит над горизонтом и насколько удалено оно от нас зимою и летом.

Ученый магистр, дававший эти объяснения студентам, умолк. Из ратуши вышли думские советники с бургомистром во главе и направились к орлою. Толпа расступилась. Простой люд, магистры, бакалавры и студенты—все устремили взоры на советников, в особенности на старейшего из них в темной одежде магистра. Он шел возле бургомистра, тихо ступая. Это был худощавый человек с бледным лицом и темными волосами.

Толпа заволновалась. Всякому хотелось протиснуться вперед, так

как стало известно, что пожилой бледнолицый магистр был не кто иной, как сам Гануш, строитель необыкновенных часов.

Магистры почтительно приветствовали своего знаменитого собрата. Тот застенчиво кланялся и благодарил. Когда советники остановились против башни, Гануш принялся объяснять им устройство часов.

Он говорил о солнце, луне и звездах, о знаках зодиака, шести над землей и шести под землею, и объяснил также устройство той части орлоя, которая заменяла календарь, обозначая простыми и золотыми буквами обыкновенные дни и праздники.

Все внимательно слушали. Магистры и доктора важно кивали головами.

Когда магистр Гануш кончил, начались громкие приветствия и поздравления. Гануш держался так, как будто не принимал их на свой счет и предложил сановникам и магистрам пойти в башню, чтоб ознакомиться с механизмом поближе и посмотреть на безупречно точную работу зубчатых колес.

Когда собравшиеся осмотрели колеса большие и малые, рычаги, весы и вообще весь сложный и хитрый механизм часов, они немало удивлялись, как один человек мог все это выдумать, рассчитать, разместить колеса и колесики, шипы и винтики, найти каждому свое место.

И весь этот замечательный механизм работал правильно и четко, словно был одарен разумом и душою. Разум строителя направлял его. Только магистр Гануш знал все подробности механизма, только один он.

Состоявший в числе думских советников часовщик откровенно признался, что ничего тут не понимает и что все это создано мастером по вдохновению. Он—старый, опытный часовщик, но если бы ему поручили разобраться в этом механизме, он, наверно, сошел бы с ума.

Один из университетских магистров прибавил, что он бывал в Италии и во Франции и видел много часов, но таких не видел нигде.

— Я смело утверждаю, что во всем свете до сих пор не было таких часов,—добавил он,—разве что магистр Гануш теперь сделает их для кого-нибудь.

Бургомистр смутился и переглянулся с советниками. У всех возникла одна и та же мысль.

А магистр Гануш скромно ответил, что он счастлив, что мог благополучно окончить эту сложную работу.

Бургомистр удалился из башни далеко не в том настроении, в каком пришел. Ему запала в голову тревожная мысль; и не ему одному, а и другим думским советникам: что если Гануш соорудит такие же часы для других городов? Не придется тогда Праге хвалиться своей диковишкой.

Слух о чудных пражских часах разошелся по всей Чешской земле, дошел и до чужих краев. Кто ни приезжал в Прагу, все спешили взглянуть на орлой, и каждый, вернувшись домой, рассказывал о его чудном механизме.

К магистру Ганушу посыпались из разных чешских и чужеземных городов предложения соорудить такие же часы. Досада овладела бургомистром и думскими советниками. Они ни за что не хотели, чтобы орлой появились в других странах. Прага одна должна была владеть ими на диво всему миру.

Думские заправила тайно держали совет, обсуждали вопрос так и этак. Пронесся слух, что Гануш дал себя обойти чужеземцам, прельстился их золотом и уже работает над новыми часами, еще более великолепными, чем орлой. Зло взяло советников, и, чтобы взять верх, они задумали злодейское дело.

...Магистр Гануш сидел в своей мастерской у большого стола и чертил на листе бумаги какой-то сложный проект. Две свечи горели на столе, окна были закрыты ставнями, в печке пылал огонь. Ночная улица была темна и пуста; в доме царил тишина, не слышно было ни единого звука.

Магистр так углубился в свою работу, что не слышал, как скрипнули ступени под чьими-то шагами. Отворились двери, и три человека, замаскированные и закутанные в плащи с ног до головы, вошли в комнату. Магистр, пораженный, спросил у вошедших, что им нужно. Вместо ответа они набросились на него, погасили свечи и, зажав ему рот, потащили к пылающему камину...

В доме все спали, никто не слышал, что делалось наверху, в комнатах магистра. Никто не видел, как пришли и ушли замаскированные люди. Мелькнув, точно тени, они исчезли во мраке ночи.

Лишь утром были обнаружены их следы и их гнусное дело. Магистр лежал без чувств, с завязанными глазами: злодеи ослепили несчастного.

Весть об ужасном злодеянии облетела Прагу. С негодованием все говорили о злодеях, но напрасно искали их, они словно сквозь землю провалились. Люди шопотом передавали друг другу, что магистр Гануш, придя в себя, сказал: «Не ищите злодеев, не найдете их, хоть они и близко».

Больше ничего не сказал Гануш, хотя всем казалось, что мог бы сказать. Грустный, как слепая птица, сидел он в уголке своей комнаты, где, бывало, так много и плодотворно работал. Недвижно стояли его аппараты, на стене в бездействии висели пилки, напильники и другие инструменты, а на книги и пергаменты с вычислениями слоями ложилась пыль. Для Гануша все отныне погрузилось в глубокую тьму. Потухшие глаза не видели даже света. Глубоко страдал несчастный мастер, скучая по работе, в которой была для него вся его жизнь. Без нее он чах и умирал медленной смертью.

С горечью думал Гануш о неблагодарности своих сограждан.словно огненными буквами, врезались ему в мозг слова одного из злодеев: «Теперь никому не сделаешь таких часов».

Магистр почувствовал, что приходит смерть. Позвав одного из бывших своих учеников, он с его помощью поплелся в башню.

Перед башней стояла толпа в ожидании боя часов. Никто не узнал знаменитого магистра, так он изменился. Щеки ввалились, борода и волосы поседели. У ратуши он повстречал нескольких советников, но они отвернулись от него. Никто не встретил Гануша, хотя он и послал сказать, что придумал усовершенствование в часах и придет приладить его сам.

Поднявшись в башню, Гануш велел ученику подвести себя к самой сложной, четвертой части. Он не мог видеть ни колес, ни передач, ни шипов, ни винтиков, но он хорошо слышал их размеренный ход и знал, что они работают исправно.

Больной, хилый и преждевременно поседевший слепец стоял, сторбившись, около своего творения, слушал его голос и думал о людской неблагодарности, о советниках, которые за его великую заслугу наградили его слепотою; ради безумного тщеславия они не поколебались совершить жестокий, гнусный поступок.

Снаружи раздался бой часов: смерть звонила, смерть звала. Вот начался выход апостолов...

Гануш вдруг вздрогнул всем телом... Подняв правую руку, он на мгновение замер. Потом, шагнув вперед, сунул руку в механизм. Он так хорошо знал орлой, что и на ощупь мог найти все, что нужно.

Недолго поработали в механизме костлявые пальцы. Колеса вдруг беспорядочно завертелись, весь механизм, словно пораженный ударом, захрипел, задрезжал, зашипел и... остановился.

Сразу все стихло. Умолк колокол, апостолы остановились на полпути, все фигуры замерли, петух не кукарекнул.

Толпа, стоявшая у башни, подняла шум и крик. Советники из ратуши бросились в башню... Механизм орлая был недвижим, а рядом, на полу, лежал его творец, бледный, вытянувшийся. Едва успели донести его домой, он скончался.

А часы стояли, и никто не мог исправить их¹.

¹ Позднее часы эти были исправлены и усовершенствованы. Они действуют на пражской ратуше и поныне.

ДАЛИБОР ИЗ КОЗОЕД

Много лет было тихо и скучно в замке святого Вацлава на Градчанах. Запустел он в смутное время гуситских войн: храм святого Вита был разграблен, а роскошные палаты Карла IV все больше приходили в упадок. По временам, когда снизу, из Старого города, наезжал король со своим двором, замок не надолго оживлялся.

Бывал там изредка молодой Ладислав Погрóбек и славный его наследник король Юрий, блаженной памяти, а после них Владислав II Ягеллон. Но все они приезжали на очень короткий срок. Затем наступили большие перемены. Владислав после двенадцатилетнего правления нашел, что его Староградский замок недостаточно надежен, и решил переселиться в старинное гнездо королей чешских—на Градчаны. Запущенный замок был обновлен и украшен, сделаны пристройки, в том числе великолепная тронная зала. В соборе святого Вита устроили королевскую часовню, отделанную изящными скульптурными украшениями. Голые стены храма покрылись богатой отделкой.

В королевских покоях появилась дорогая мебель, картины, французские обои. В одной из палат висели портреты королей и князей чешских.

Но не об одном украшении замка заботился король, он и укреплял его. По его приказанию исправили стены, углубили рвы, повысили валы, на башне Михулька сделали очень высокую кровлю, по-

крыли ее полированными кафелями, а на копытке водрузили серебряного льва.

Вскоре после того Владислав велел за домом главного бурграффа, близ задних ворот, над Оленьим оврагом, выстроить для охраны укреплений высокую круглую башню. В этой башне устроили три темницы, одна над другой. Самая нижняя находилась под землею и была без окон и дверей. Заключенных должны были спускать туда на веревке, через люк в средней темнице.

Постройка башни была закончена, но узников в ней еще не было. Не было у нее и названия, она должна была получить его от первого узника, который переступит ее порог. Недолго, впрочем, оставалась тюрьма без названия.

В ту пору сельский люд много терпел от произвола сильных. Паны и дворяне притесняли его, налагали непосильную барщину. Людям стало невмоготу. Многие бросали дома, родные деревни, бежали в лес и делались разбойниками. Иные бунтовали против своих господ.

Крестьяне пана Адама Плосковского из Драгонич тоже взбунтовались. Пан Адам был крут и изобретателен на всякие притеснения. Крестьяне напали на его укрепленную усадьбу и проникли в замок. Пан ожесточенно оборонялся, но нападающие осилили его, ранили и взяли в плен. Чтобы сохранить себе жизнь, он дал им вольную запись и честное слово, что не будет жаловаться.

По соседству с владениями Плосковского жил в небольшой усадьбе молодой рыцарь Далибор из Козоед, потомок старинного славного рода.

К этому-то Далибору пришли освобожденные крестьяне пана Адама и, объявив, что они одолели Плосковского, просили Далибора принять их в свое владение, обещая во всем ему повиноваться, как своему избранному хозяину. Они знали, что Далибор уже не раз принимал обиженных, помогал им и защищал их.

Узнав, что у плосковских крестьян есть вольная запись от прежнего пана, молодой помещик охотно принял их. Но пан Адам не намерен был отступить от своих прав. Несмотря на запись и честное слово, он, нарушив и то и другое, обратился к помощи властей. Местные помещики сообща выступили против Далибора,

обвиняя его в своеволии, а крестьян—в бунте. Они собрали большой отряд стражников и послали его против бунтовщиков.

Каратели напали на крестьян, многих убили, многих схватили и жестоко с ними расправились. Был арестован и их союзник Далибор. Великодушный защитник притесненного люда, он сам попал в оковы. Закованного, его отвезли в Прагу и поместили в среднюю темницу новой круглой башни.

Далибор был первым узником, переступившим порог башни; и назвали ее «Далиборка». В Праге только и разговоров было, что о молодом рыцаре, о башне, которая получила его имя, и о причинах, по которым он туда попал. Кичливые паны были рады: поделом-де ему, не помогай непокорным мужикам. Но народ жалел его.

Тоскливо и страшно было Далибору в башне. Сводчатая камера с толстыми стенами и маленькими окошками должна была теперь заменить ему его усадьбу. Прежде из своего замка на холме он мог обозревать широкие просторы. Теперь он едва видел кусочек неба вверху и глубокий заросший ров внизу. Листья уже краснели, наступала грустная осень.

Тихо было в башне, и тихо кругом. Птицы умолкли, только ветер шумел в деревьях и кустах. Короткий осенний день казался в тюрьме длинным, а длинная ночь—бесконечной. Тоска и печаль грызли сердце молодого узника.

Далибор попросил купить ему скрипку. Получив ее, он начал играть. Прежде он смычка в руки не брал, а теперь не расставался с ним. Учился играть, играл без отдыха. Чем дальше, тем лучше, чище и приятнее становились звуки, и время шло быстрее.

Тюремщики и караульные часто стояли за дверью и слушали. Многие городские чиновники тоже приходили послушать, как научился козоедский помещик играть в темнице. Когда об этом узнали в городе, на вал стали приходиться любопытные. День ото дня приходило народу больше и больше; зачастую собиралась целая толпа с обеих сторон башни.

Наступила весна. Подул теплый ветерок. Древесные почки стали лопаться и распускаться. Петржин и окрестные холмы зазеленели, зазеленел и Олений овраг. Везде звучали сладкие весенние звуки. Но и пение птиц казалось невыразительным по сравнению с чудными звуками, которые лились из башни. Скрипка пела, стонала и плакала

в руках искусного музыканта. Толпа в волнении слушала: у многих появлялись слезы на глазах. Иногда слышались веселые мотивы, застольные или боевые песни. Часто Далибор наигрывал старинные песни о короле Яне и о рыцарях, погибших с ним. В их числе был славный предок несчастного пленника.

Очарованные слушатели не в силах были отойти от башни; и когда из окна спускался грубый холщевый мешок, каждый клал туда свою лепту. Сначала горожане думали, что узник обеспечен собственными средствами, но потом убедились, что он нуждается. Гордый дворянин не хотел просить милостыню, а помощи нигде не получал. Ничего у него не осталось, кроме скрипки, и скрипка выручала его: холщевый мешок всегда возвращался к нему, наполненный деньгами и иными дарами. Слушатели рады были чем-нибудь облегчить участь бедного музыканта. Один посылал ему мягкую подушку, другой—одеяло; о пище и напитках говорить нечего. Зато как услаждал он свою игрою этих добрых людей, когда под вечер они собирались у башни! С каким волнением они слушали, а потом, расходясь, толковали, что никто во всей Праге не играет так, как этот человек! Нужда научила Далибора искусству. Днем играл он для людей, а для себя часто и ночью.

Когда утихал городской шум и синеватые облака застилали небо, когда в кротком свете луны купались кусты и деревья, из круглой башни в Оленьем овраге начинали вновь раздаваться звуки скрипки. Слезы были в тех звуках, слезы и тоска по свободе, а подчас и грозные вспышки гнева. Облегчение приносили они, но не освобождение.

Долго сидел Далибор в темнице; наконец его вызвали на суд. Суд единогласно признал его виновным в захвате чужого имения и приговорил к смерти.

Приговор прочли Далибору. Ему не позволили оправдаться, его даже не захотели слушать. «Разве не потворствовал он опасной смуте, не взбунтовал народ?»—вопросили судьи. Нет, Далибор только вступился за несчастный народ. Но это-то и было в глазах судей преступлением.

Приговор был вынесен, но о дне и часе его исполнения народу не сообщили.

В ночь перед казнью в последний раз огласилась мрачная тюрьма звуками Далиборовой скрипки. Они прозвучали, точно стон, и замерли над Оленьим оврагом...

Утром пражане пришли к башне, но оттуда не слышалось ни единого звука; и мешок не висел из окна. Спросили, что означает эта тишина и что случилось с Далибором.—Уже кончились его страдания,—был ответ.—На рассвете, за пражским замком, его казнили.

— Перед уходом,—рассказывал старый тюремщик,—он снял со стены свою скрипку, долго смотрел на нее и прощался с нею. Бодро он шел на казнь. Там встал на колени и положил свою кудрявую голову на плаху. Он кончил жизнь мужественно.

Послышались тяжелые вздохи и сдавленные рыдания. Тихо, безмолвно разошлась толпа.

А башня у задних ворот пражского замка и до сих пор стоит незаблему, и с нею неразрывно связано воспоминание о несчастном узнике—искусном скрипаче.

ГЕТТО

Гетто было частью Старого города. Оно прилегало к нему так близко, что почти сливалось с ним, но в то же время было совершенно обособлено. В него вели шесть ворот, которые на страстной неделе были заперты днем и ночью. За этими воротами все было иначе, чем в остальном городе: постройки ветхие, больше из дерева, чем из камня, стиль старый; какие-то несуразные пристройки, выступы, крылечки, темные, смрадные, узкие, кривые, извилистые и немощные улочки. И жители гетто были особенные, иного облика и иного языка. Одежда отличала их от других горожан и друг от друга. Большинство евреев носило шапки с желтым рогом и плащи с большим кругом из красного сукна.

Ни один еврей не имел права жить за пределами гетто. Но от поколения к поколению шло поверье, что униженные обыватели гетто были первыми жителями Праги, что их поселок стоял тут еще до того, как Либуша заложила Пражский кремль. Евреи гордились, что их синагога древнее храма святого Вита и всех остальных храмов пражских.

Каждый с невольным почтением смотрел на старое здание синагоги с узкими окнами и высоким коньком черепичной кровли, потемневшей от времени. Возвышаясь, точно страж, над узкими кривыми улочками, стояла синагога—этот мрачный памятник пережитых бурь и волнений.

Евреи верили, что в стенах синагоги есть камни из разрушенного Иерусалимского храма, что она принесена самими ангелами на это место из Иерусалима. «Ангелы,—говорили они,—наказывали нашим предкам, чтобы синагога осталась нерушима и никогда не подвергалась бы перестройке».

И если иногда все же бывали попытки изменить что-нибудь в здании, они никогда не оставались безнаказанными: строители получали увечья на работе либо умирали внезапно.

Существовало о синагоге и другое предание. Первая синагога была будто бы деревянная. Когда она совсем обветшала, собрались старейшины и определили место для новой синагоги. Это был маленький пригорок. Когда стали рыть ров для фундамента, то попали на подземную стену, сложенную из огромных тесаных глыб. Чем дальше рыли, тем больше убеждались, что это стена старинной синагоги. Вскоре нашли пергаментный свиток с еврейскими письменами, и тогда все сомнения исчезли.

В то время находились в Праге два нерусалимских еврея. Они-то и посоветовали своим пражским единоверцам строить синагогу по нерусалимскому плану, то есть окна делать так, чтобы они широки были снаружи и постепенно суживались внутрь; само святилище следовало настолько углубить в землю, чтобы в него нужно было спускаться по ступеням, потому что в писании сказано: «Из глубины зывают к тебе, господи».

Так и сделали. С тех пор стоит синагога непоколебимо¹. Поколения за поколениями евреи приходят сюда молиться и петь псалмы.

Вторгались сюда и неверные, святотатствовали и оскорбляли еврейскую святыню. Дважды гасли они тамид (неугасимый огонь), а священная скиния, скрываемая за дороною завесою, была шизвергнута толпой разъяренных христиан.

Первый раз пострадала синагога при короле Яне, который велел искать в пей скрытые еврейские сокровища. Клад нашли: в нем было на две тысячи гривен серебра и золота. Много еврейской крови было пролито при этом короле, но еще больше при внуке его Вацлаве IV, когда чернь в пасхальную ночь разграбила и сожгла гетто и убила около трех тысяч жителей. Сводь

¹ По историческим данным, с XIII столетия.

синагоги огласились криками ужаса и скорби. Кровь жертв залила стены и забрызгала украшавшие их священные надписи.

В память об этой ужасной ночи в синагоге в день «всепрощения» совершается «селиха»—плач о погибших братьях. Этот «плач» в поэтической форме сложен раввином Авидором Каро, очевидцем грозных событий.

Достовернейшим памятником этих событий служит сама синагога. С тех пор никто не чистил ее стен, не белил их; раввины не разрешали дотронуться до них, чтобы навсегда запечатлелась кровь верующих и чтобы современники и потомки читли эту кровь мучеников.

Немало других бурь и невзгод пережила старая синагога. Когда в 1558 году в гетто бушевал большой пожар, синагога, как твердыня, стояла незыблема над морем огня. Огонь пожирал все кругом. Отовсюду валили столбы черного удушливого дыма, летели головни и искры. Но на синагогу не упало ни одной искорки, ни одна черепица не треснула на ее кровле. На конек ее крыши уселись две белые голубки. Ни жестокий жар, ни удушливый дым не согнали их оттуда. Сидели они там долго, пока совсем не миновала опасность. Потом, одна за другой, взмахнули белыми крылышками и исчезли в облаках.

* * *

Однажды, более трехсот лет тому назад, возвращался осенью в Прагу примас (староста) гетто рабби Исаак. Ехать пришлось лесом. Ни рабби, ни кучер не знали дороги и заблудились. Плутали они, плутали и никак не могли выбраться на правильный путь.

Стало смеркаться, сумерки в густом лесу наступали быстро. Дороги уже не было видно. Вдруг вдали между деревьями мелькнул синеватый огонек. Коня остановились, зашевелили ушами, зафыркали, попятнулись. Между тем свет ширился и разрастался в яркое пламя.

На кучера напал страх, но примас не растерялся. Он велел кучеру завязать лошадям глаза и ждать, пока он пойдет посмотреть, что такое творится между деревьями. Распорядившись так, он пошел прямо на огонь и вышел на небольшую лесную полянку.

Там рабби Исаак увидел дивное-диво: огромную грудку золотых и серебряных денег. Два карлика с белыми бородами брали эти деньги пригоршнями и ссыпали их в мешок. Они были так заняты своим делом, что не заметили пришельца. Постояв и поглядев на карликов, примас решился спросить, для кого они собирают деньги. Едва успел он задать этот вопрос, как один из карликов нахмурился и сердито отрезал:

— Уж во всяком случае не для тебя.

Сказал—и исчез. Исчезло серебро, исчезло золото, только несколько дукатов блестело в траве.

Другой карлик остался. Любопытный еврей стал выпрашивать и его, для кого они собирали деньги.

— Не для тебя,—отвечал и этот.

— Так для кого же?

— Для одного из твоих близких. Не надо было тебе спрашивать. Только помешал нам и повредил делу.

— Да кто же этот счастливец? Скажи, пожалуйста.

— Не могу.

— Ну хоть дай как-нибудь понять.

— И этого не могу.

— Скажи, по крайней мере, когда этот клад объявится?

— Когда твоя дочь выйдет замуж.

— Моя дочь?—спросил удивленный примас.—А при чем здесь она?

— Не догадаешься, нечего и стараться.

— Этакое богатство! Великий боже! А мне—ничего! Позволь мне, по крайней мере, подобрать монеты, что валяются на траве.

— Ничего я не могу позволить!—сердито крикнул карлик.— Впрочем, вот что: хочешь поменяться?

Примас с радостью согласился. Он выпнул из кошелька три дуката, положил их на траву и взял три лежавшие там. Когда он поднял голову, поляна была пуста. Исчез карлик, исчез и таинственный свет. Было темно, в вершинах деревьев шумел ветер.

Рабби Исаак поспешил поскорей выбраться из лесу. Кучеру он не сказал ничего, только торопил его ехать. Коня уже не боялись и весело бежали. Скоро небо прояснилось, и повозка, выехав из лесу, очутилась на хорошей дороге. Ехать было далеко. Ехали

целую ночь и только к утру добрались до ворот гетто. Рабби Исааком овладела тяжкая дума: кто тот счастливец, которому суждено получить богатство карликов и какую роль в этом деле может играть его дочь? Разглядывая три дуката, взятые в лесу, он долго ломал себе голову. Ненасытное любопытство не переставало его мучить. Наконец ему пришлось в голову попытать судьбу. Завернув таинственные деньги в бумажку, каждый дукат отдельно, он бросил один из окна на улицу и стал ждать.

Много людей проходило мимо примасова дома, но ни один не обратил внимания на бумажку. День был уже на исходе, примас хотел было послать слугу поднять дукат, как вдруг прибежал мальчишка, оборванный и грязный. Увидав бумажку, он одним прыжком очутился около нее, наклонился, взял дукат и убежал.

Примас не допускал мысли, чтобы такой оборванец и замарашка стал владельцем клада. На следующий день он бросил другой дукат и опять стал караулить. Опять люди ходили взад и вперед, но на бумажку никто не обращал внимания. Под вечер прибежал тот же мальчишка и забрал второй дукат; то же случилось и с третьим.

— Нет, это не простой случай, это знаменье,—заклучил примас и решил разузнать подробнее о мальчишке, подобравшем дукаты. Во всем гетто было объявлено, что примас обронил три дуката и надеется, что потеря будет честно возвращена.

Едва стражник возвестил о потере, как к примасу прибежал мальчик, который поднял дукаты. Он принес только два и очень извинялся, что третий дал матери на торговлю. Как только она выручит этот дукат, рабби сейчас же получит его. Мальчик возвратил бы все три, если бы знал раньше, кому они принадлежат. Три ночи подряд мальчик видел во сне, что должен идти к примасову дому, где найдет три дуката, завернутые в бумажку.

Рабби Исаак уже не сомневался, что мальчик Мардохей, сын бедного еврея Шалума Майзеля, и есть тот избраннык судьбы, которому достанется клад. Он похвалил мальчика за честность, отдал ему остальные два дуката и предложил ему у него остаться, обещая одевать его и учить, как собственного сына. Юный Мардохей поблагодарил и отказался. Мать-де целый день в лавке, а отец слепой.

— Я у него один, и без меня некому водить его в синагогу, а он туда три раза в день ходит,—объяснил мальчик.

— Найму для него поводыря,—сказал примас.

— Чужие не могут так услужить, как свои.—И юный Мардохей ушел.

Через несколько дней примас зашел к родителям Мардохея и предложил им посылать к нему мальчика ежедневно, на несколько часов. Он хотел отдать его обучаться торговле, чтобы ему легче было потом добывать кусок хлеба.

— Мальчик ваш мне очень нравится,—говорил примас,—и если он таким же останется, я охотно отдам за него свою дочь.

Шалум и его жена считали себя очень польщенными посещением богатого примаса, а последние его слова едва не вскружили им головы. С благодарностью приняли они предложение рабби Исаака и клятвенно обещали никому не говорить об этом.

Так попал пятнадцатилетний Мардохей в дом богатого примаса. Всякий день водил он своего отца в синагогу и помогал матери в торговле; в то же время он преуспевал в науках. Когда минуло ему двадцать лет, примас женил его на своей дочери, которая очень полюбила славного молодого человека.

Спустя неделю после свадьбы примас выехал из Праги, взяв с собой молодого зятя. Не говоря ни слова, он повез его в лес, где произошла когда-то странная история. Но прошла ночь, и ничего не случилось, ни карликов, ни груды золота они не выдали.

В беспокойстве вернулся рабби Исаак в Прагу. Он все еще не терял надежды, полагая, что в другой раз они будут счастливей. Но и вторая и третья попытки были бесплодны. Примас начал подумывать, что чорт его попутал и из-за бесовского наваждения он выдал дочь за нищего. Эта мысль сильно угнетала примаса. Мало-помалу она настолько овладела им, что он уже не мог скрывать своих чувств. Зять, которого он любил, сделался ему ненавистен. С каждым днем примас становился холоднее к Мардохею и, наконец, стал просто груб с ним.

Тяжело было молодому Майзелю терпеть такое обращение. Наконец он решился уйти из дому примаса, где стал в тягость. Жена ему не перечила, и молодая чета выселилась.

Мардохей Майзель взял в свои руки скобяную лавку матери и

повел дело так ловко, что скоро сделался первым торговцем не только в гетто, но и во всей Праге. Молодой купец трудился, и бог благословлял труды его. Разбогатев, Мардохей не возгордился и не очерствел. Он помогал бедным, щедро раздавал милостыню и выкупал должников из тюрьмы.

Однажды летом, перед жатвою, пришел к нему в лавку незнакомый крестьянин. Выбрав несколько земледельческих орудий, серпов и кос, он признался, что сейчас, перед жатвой, у него нет денег. Не будет ли Майзель так добр и не поверит ли ему в долг? Майзель, которому крестьянин показался достойным доверия, дал ему орудия. Крестьянин, обрадовавшись, сказал:

— Ну, подлинно ты человек хороший, коли мне, незнакомому, веришь. Вот что: есть у меня дома старый железный сундук, очень тяжелый. Не могу его отпереть, уже намучился я с ним немало. Не возьмешь ли его за долг?

Майзель согласился, и на третий день крестьянин привез сундук. Он был действительно так тяжел, что даже при продаже на вес получалась сумма, которая хватила на оплату долга да еще на долю крестьянина осталось кое-что.

Поздно вечером Майзель хотел открыть сундук, но, едва он приложил долото, крышка отскочила сама собою. А что было внутри, господи боже мой! Майзель просто остолбенел. Бессмысленно глядел он на серебро и золото, которым был наполнен сундук. Опомнившись, он опустил крышку, запер сундук и никому, даже жене, не сказал ни слова о своем открытии. Ждал день, неделю, месяц, год, не вспомнит ли крестьянин о своих деньгах, не придет ли за ними. Но никто не приходил. Майзель не знал имени крестьянина, не знал, откуда он. Спустя год он счел себя в праве распорядиться деньгами по своему усмотрению.

Первым делом он пошел к старому раввину и дал ему большую сумму на постройку новой синагоги, поставив условием, чтобы имя жертвователя осталось неизвестным. Но когда здание было готово и новый молитвенный дом освящен, раввин указал собравшемуся народу на Мардохея, стоявшего скромно в уголке, и сказал: «Вот кому мы обязаны новой синагогой».

Все бросились к Майзелю, хвалили, благодарили его. Больше всех усердствовал рабби Исаак, его тесть. Теперь он совсем по-

мирился с зятем, и когда Майзель открыл ему тайну железного сундука, примас воскликнул:

— Крестьянина не жди! Это был один из тех карликов, которых я видел в лесу.

И он рассказал зятю свое видение и объяснил, зачем он возил его в лес после свадьбы.

— Кто бы думал, что все так случится!—воскликнул рабби Исаак.—Удивительно! Слава Иегове вовеки веков!

Мардохей Майзель остался богачом до смерти. Он не был скрягой, помогал своим единоверцам и делал много добра. Названная в его память одна из улиц гетто существует и поныне.

Новая синагога также носит его имя. Кроме того, Майзель построил в гетто ратушу, новые бани, приют для сирот, вымостил дотоле немощные, грязные улицы и расширил кладбище. Так трудился он на пользу общую до самой смерти.

* * *

В царствование Рудольфа II жил в пражском гетто рабби Иуда Леб бен Бецалель, муж ученый и опытный. Он был очень высокого роста, за что его называли «великим рабби». Иуда Леб был глубоко сведущ не только в талмуде, но и в математике и астрономии. Многие таинства природы, скрытые от простых смертных, ему были известны. Люди дивились силе его волхвования.

Слухи о нем достигли, наконец, королевского двора. Придворный астролог короля, Тихо-де-Брага, очень уважал своего ученого собрата Иуду Леба. Сам король Рудольф познакомился с ним при необычных обстоятельствах.

Однажды король ехал в сопровождении конной свиты в карете с Градчан в Старый город. Это было в дни, когда вышел королевский указ о выселении евреев из Праги. Рабби Иуда ходил ко двору просить за своих единоверцев, но его не допустили к королю. Зная наверно, что король поедет по Каменному мосту, рабби Иуда ждал его.

Когда на мосту появился пышный королевский поезд—карета, запряженная четверкой в чеканной сбруе,—и блестящая свита, люди стали кричать, чтобы рабби сошел с дороги, но рабби Иуда словно не слышал. Он остановился посреди моста, как раз перед

лошадьми. Народ кричал на ученого мужа, бросал в него камнями и грязью, но вместо грязи и камней на рабби Иуду падали цветы, осыпая лепестками его голову и плащ.

Приближался королевский поезд. Бен Бецалель не отступил ни на шаг. Ко всеобщему удивлению, кони не только не смяли его; но остановились перед ним, хотя кучер и не хотел этого.

Рабби сдвинулся с места, с обнаженной головой подошел к окну кареты и на ковре из роз и других цветов опустился на колени и стал просить за своих единоверцев.

Король, на которого вид рабби и все обстоятельства этого происшествия произвели глубокое впечатление, велел ему крикнуть в замок. Это была великая милость; в замке же была дарована и другая милость—та, о которой просил рабби: король позволил евреям остаться в Праге.

После того король не раз приглашал рабби во дворец.

Однажды королю захотелось, чтобы рабби Иуда показал ему праотцев еврейского народа Авраама, Исаака, Иакова и сыновей его. Рабби долго отказывался, но, наконец, согласился исполнить просьбу своего повелителя и просил только, чтобы все присутствующие сохраняли серьезность, когда появятся священные фигуры патриархов.

Король и придворные собрались в обособленном покое и в волнении ждали. В оконной нише видна была высокая статная фигура рабби Иуды. Вдруг он исчез, словно растворившись в тумане, из которого затем ясно выступила фигура библейского старца ростом на много выше обыкновенного человека. Величавый Авраам плавно проплыл мимо присутствующих и словно растаял во мраке. За ним появились Исаак, Иаков и сыновья его, одни за другим. Присутствующие с благоговейным страхом смотрели на великих праотцев еврейского народа. Вдруг из мрака словно вынырнул Невфалим, сын Иакова, рыжеватый и в веснушках. Он шагал так поспешно, так мало величественного было в его фигуре, что король не мог удержаться от смеха. Но едва улыбка появилась на лице короля, как исчез Невфалим, исчез туман, из которого возникали фигуры, и в палате раздались крики ужаса. Придворные поднялись с мест и дрожащими руками указывали на расписной потолок.

Потолок прогнулся и начал заметно оседать. Бледные от страха, придворные хотели броситься к выходу, но не могли двинуться с места. Они стояли, как прикованные, и в отчаянии звали Бецалеля. Звал его и король.

Рабби выступил из оконного углубления и воздел руки. Потолок перестал опускаться, однако и не поднялся более. Король поспешил покинуть залу, а за ним и свита его.

Потолок таким и остался. Король никогда больше не входил в эту палату и велел запереть ее.

Рабби Иуда не впал, однако, в немилость. Напротив, он дождался великой чести: сам король навестил его. Такой чести еще не видывало пражское гетто.

Рабби Иуда умел быть благодарным и был находчив; он преподнес своему королю и его свите немало сюрпризов. Дом Иуды был невзрачный, старый, запущенный. Но едва король и его свита вступили через низкие двери в горницу, как с первого же шага начали удивляться, и удивлению их конца не было. Они очутились не в обыкновенной горнице простого обывательского дома, а в палате, достойной дворца, с чудесно разрисованным куполом.

Лестница, ведущая в верхний этаж, была не из дерева, как в других домах, а из мрамора, и блестела, как зеркало, в тех местах, где не была покрыта ковром. По ней посетители поднялись в красивую гостиную, обитую дорогими обоями и украшенную картинами. Отсюда в широко распахнутые двери виднелась анфилада богато отделанных комнат и в конце ее—выход на изящную галерею в итальянском стиле.

Почтительно сопровождая короля, рабби Леб ввел его в обширную палату, где был накрыт стол, и просил короля и свиту откусать его хлеба-соли.

Король принял приглашение, и рабби угостил своих гостей такой трапезой, которая сделала бы честь королевскому столу. Озадаченный волшебной силой, благодаря которой рабби Иуда превратил свой скромный дом в роскошный дворец, король долго оставался здесь и ушел очень довольный.

Не раз потом он проявлял к ученому раввину свои дружеские чувства, а тот, чтоб увековечить память о королевском посещении, велел над дверью своего дома изваять льва на гроздьях винограда.

Но еще удивительнее чудесного появления библейских патриархов на Градчанах было сотворение «голема»—слуги Иуды. Всесильный рабби сделал его из глины и оживил, вложив ему в уста «шем» (пергамент с волшебным заговором).

Голем работал за двоих: прислуживал, носил воду, колол дрова, подметал и вообще исполнял всю тяжелую работу. Притом он не нуждался ни в пище, ни в отдыхе. Когда в пятницу вечером прекращалась всякая работа, рабби вынимал у него изо рта шем, и слуга сразу превращался в глиняного болвана.

После субботы рабби опять вкладывал ему в уста шем, и слуга снова оживал.

Однажды рабби Леб бен Бецалель, торопясь в синагогу, забыл вынуть из уст слуги шем. Едва вошёл он в святилище и начал псалом, как прибежали люди из его дома и из соседних домов, кричали и жаловались, что голем бунтует, никого к себе не подпускает и грозит всех перебить.

Рабби Иуда остановился в нерешительности. Всякая работа, самая ничтожная, считалась великим грехом. Но, сообразив, что псалма, которым начинался субботний день, он еще не закончил и предстоящая суббота еще не началась, рабби бросился домой.

Еще издали услышал он страшный шум и треск. За раббей с опаской следовала толпа любопытных. В доме своем рабби нашел полное разрушение: разбитую посуду, поломанную мебель, раскиданные книги.

Когда в комнатах уже нечего было ломать, голем, объятый жадой разрушения, отправился во двор. Перебив кур, цыплят, кошку и собаку, он принялся вырывать с корнем столетнюю липу. Лицо его покраснело, черные кудрявые волосы растрепались, и он выворотил липу, словно простую палку, воткнутую в землю.

Рабби Иуда подошел прямо к нему. Воздев руки, он взглянул на слугу в упор. Тот затрясся, выпучил глаза и уставился на своего господина. Рабби подошел к нему вплотную и одним взмахом руки вынул у него изо рта шем. Голема словно подкосило, он повалился, как истукан. Издалека наблюдавшие за этой сценой, евреи не могли удержаться крика радости.

Убедившись, что голем безвреден, люди подошли и со смехом па-

чали шевелить его и толкать. Рабби тяжело вздохнул и, не промолвив ни слова, пошел в синагогу окончить молитву.

Бен Бецалель уж никогда больше не вкладывал шем в уста своего слуги. Так и остался голем глиняным болваном и вскоре распался на куски.

* * *

Минули века, и многое изменилось в пражском гетто. Жестокое гонение на евреев прекратилось, и жители гетто, воспрянув духом, начали чистить и перестраивать свои жилища. Только синагога осталась в прежнем виде; с нею вместе, среди домов новой постройки, уцелел еще один памятник старины—еврейское кладбище.

В тени бузины и акаций стоят обветшалые надгробные памятники, и богатые, и убогие. Иные состоят из простых досок, склоненных друг к другу в виде кровли. Почти каждый памятник обозначен особым знаком.

Много поколений гетто сошлось на этом кладбище: бедные и богатые, славные и бесславные.

Тут почивал ученый раввин Авигдор Каро, сочинивший плач по евреям, убиенным при короле Вацлаве; Мардохей Майзель, сын Шалумов, благодетель и жертвователь; славный Иуда Леб бен Бецалель и иные замечательные мужи еврейской общины.

Мирно почивают они в тени благоухающих кустарников, и ничто не нарушает их покой.

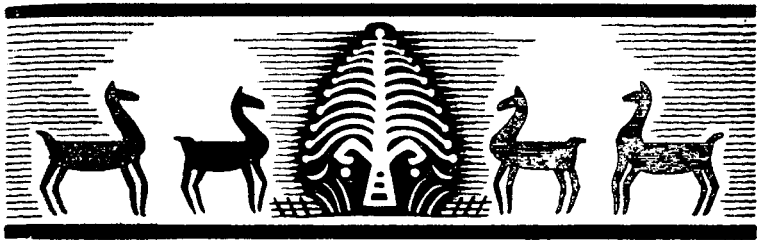
Только один не нашел успокоения, и набожный возглас «Салом алейхем» (мир вам) не раздастся над его позабытой могилой.

Этот еврей еще в молодости покинул своих родных, принял христианство и стал священником в соборе святого Вита. Но когда настал его последний час, затосковал он о своем племени и воспылил желанием быть погребенным на еврейском кладбище. Там поконилась еврейка, которая когда-то была его невестой. Евреи положили его, как он желал, рядом с дорогой для него могилой. Но покоя, которого у него и в жизни было мало, не нашел он и в могиле. По почам вставал он и шел к Влтаве, где в лодке за веслами ждал его скелет.

При свете луны и в безлунном мраке скелет перевозил отступника на другой берег. Они шли в храм святого Вита; священник садился

за орган и играл, а скелет дул в мехи. Скорбный и жалостный вопль души звучал в этой мелодии, и гулко разносилась она в пустом обширном храме. Томящаяся душа взывала к богу, умоляя о прощении, но мольба ее не была услышана. Когда на Святовитской башне был час ночи, орган смолкал, и грустный органист возвращался к реке. Скелет перевозил его на другой берег, и он ложился в могилу, чтобы следующей ночью опять встать, пойти в храм и в жалостных звуках излить свою скорбную душу.

ЯН ЖИЖКА

Пойдем теперь дальше и послушаем сказания радостные.

Сейчас уже и следа не осталось от деревни Троцнова, возле которой стояла Троцновская усадьба, по-тогдашнему «двор».

Стоял он на возвышенности, кругом зеленели поля, луга, дубовые леса, за ними синели вдали Крумловские горы.

-Двор стоял особняком,—старый деревянный терем, с кровлей, поросшей мхом. Там родился и вырос знаменитый герой чешского народа Ян Жижка.

За двором и за прудом, поодаль, возле поля, на опушке леса, стоял на пригорке могучий дуб. Под ним и была дана жизнь герою. Это было летом, во время жатвы, когда троцновская хозяйка шла присмотреть за жнецами. Тут и увидел свет сын ее Ян, сильный телом и духом, крепкий, как дуб.

Рос и мужал он в тихом уединении Троцновской усадьбы. В юношеские годы Ян поступил в школу, в городе Прахатице, в ту самую школу, куда ходил Ян из Гусинца, бедный мальчик, впоследствии знаменитый проповедник и мученик.

Уже в зрелых годах Ян Жижка лишился отца и унаследовал Троцновский двор. Но недолго жил он на покое. Генрих из Розенберга, владетель богатый и сильный, отваживавшийся противиться самому королю, не признавал прав своих мелкопоместных соседей. А Ян Жижка не склонен был поступаться своими правами

и независимостью. Дело дошло до вооруженной схватки, и понятно, что Жижка стал непримиримым врагом розенбергского пана и будейовицких немцев, которые были с его врагом заодно.

Силы были неравные. Небогатому Жижке трудно было справиться с владетельным паном. Жижка боролся как умел. Когда враги сожгли его двор и разорили усадьбу, он ушел в леса и продолжал неравную борьбу, пока друзья не приняли его и не замолвили о нем слово перед самим королем.

Попав в милость к королю Вацлаву, Жижка был назначен при дворе для службы у королевы Софии. Вскоре, однако, он покинул Прагу и вступил в ряды польского войска, чтобы воевать против немецких рыцарей. Он воевал и под Грюнвальдом, где немцы были в 1410 году разбиты наголову соединенными силами поляков, русских и чехов.

В этом сражении Жижка вел себя, как герой, и тут, как говорят, он потерял глаз.

Пробыв некоторое время в Польше, Жижка возвратился к пражскому двору. Находясь на службе королевы, он часто провожал ее в Вифлеемскую часовню, где говорил проповеди знаменитый Ян Гус из Гусища. Учение Гуса нашло горячий отклик в сердце Жижки, полюбился ему и сам проповедник. Добродетельный муж и рыцарь, Жижка вполне разделял взгляды Гуса, громившего распущенность тогдашнего общества и духовенства.

Глубоко скорбел Жижка, узнав о несправедливом осуждении благочестивого магистра, о его жестоком заключении в Констанцской тюрьме, где Гуса сковали по рукам и ногам и, к стыду всего народа, приговорили к сожжению на костре.

Сердце Жижки наполнили горечь и злоба против всех противников Гуса, особенно против иноземцев. Часто думал Жижка об ужасной смерти Гуса и его друга Иеронима Пражского и не раз в грустных размышлениях бродил по двору королевского замка.

Однажды король встретил его и спросил, отчего Жижка так грустен.

— Тяжко мне, милостивый король,—отвечал Жижка,—тяжко и горько, что наши чешские вожди и учителя, несмотря на императорскую охранную грамоту, так несправедливо и жестоко были казнены. Можно ли быть веселым после этого?

— Думаешь ли ты, милый Ян, что можно восстановить пограничную справедливость? Если видишь к этому какой-либо путь, действуй, я тебя поддержу.

Жижка воспользовался словом короля и начал действовать.

* * *

Почти все пражане и большая часть народа были в то время увлечены учением Гуса и его проповедью о двойном причастии—символе тела и крови Христовой. Когда же пражские священники отказались причащать верующих подобным образом, рыцарь Микулаш из Гуси во главе огромной толпы народа подошел к королю Вацлаву на улице близ собора святого Аполлинария и настаивал, чтобы в большинстве церквей производилось двойное причастие.

Король, напуганный этой шумной толпой, приказал Микулашу из Гуси оставить Прагу, сменил думских советников, а новым приказал возвестить городу королевскую волю, дабы в день святого Мартина пражане сложили все свое вооружение и доспехи во дворце королевского замка.

Советники колебались. Не послушаться короля—он разгневется, послушно отдать оружие—значило лишиться всей своей мощи и силы.

Выход из затруднения нашел Ян Жижка. Он посоветовал собрать думу и, объявив королевский приказ, предложить всем облечься в воинские доспехи, взять оружие и всей толпой отправиться в Вышеград. Может быть, король, увидев таких храбрых молодцов, не захочет обезоружить их.

Так и было сделано. В день святого Мартина пражане, в полном вооружении и доспехах, под предводительством Жижки, явились в Вышеград. Все выстроились под знаменами на дворцовой площади в полном боевом порядке. Доспехи и оружие сверкали на солнце, знамена гордо развевались в воздухе. Ближайшие к Жижке шепнули ему: «Говори, брат».

Жижка выступил вперед и обратился к королю:

— Милостивый король! Мы стоим здесь, твои верные подданные, каждый в доспехах и при оружии, ибо тебе угодно было, чтобы мы его принесли. Вот оно, бери его или прикажи, что с ним делать. Куда бы ты ни послал нас, против любого неприят-

теля пойдем с радостью и будем охранять твое королевское величество и твои владения до последней капли крови.

Король, который сначала с тревогой смотрел на сборище вооруженных людей, теперь успокоился и с милостивой улыбкой ответил:

— Ты хорошо сказал, брат. Передай этим людям, что я им верю; пусть спокойно расходятся по домам.

И все в полном порядке вернулись обратно к Новоградской ратуше, где и разошлись. Таким образом, пражане и оружие сохранили, и короля не прогневили, все благодаря мудрому совету Жижки. С тех пор авторитет Жижки в Праге еще более вырос, а после смерти Вацлава IV (в 1419 году) стал буквально незыблем.

Тяжелое тогда было время. Великая сила врагов ополчилась против чешского народа, но самым жестоким был король Сигизмунд венгерский, брат Вацлава. Он открыто заявил, что охотно отдал бы все венгерское королевство, лишь бы в Чешской земле не осталось ни одного чеха.

Гибель грозила всему чешскому племени и его языку. Тогда восстал храбрый однокоренный Ян Жижка и во имя божие ополчился против врагов своего народа и противников Яна Гуса.

Повсюду скликал он людей к оружию, призывал к походу против общего врага, требовал, чтобы стар и млад ежечасно были готовы к защите родины, чтобы в минуту опасности никто не падал духом и не думал о том, что сильные стоят против слабейших, немногие против многих, раздетые против одетых.

Войско Жижки состояло преимущественно из крестьян. С ними он побеждал закованных в броню рыцарей и хорошо обученных солдат наемных. Никогда не бежал он с поля сражения. Невелика была его дружина числом, но сильна духом, а талант полководца дополнял остальное. Иногда прибегал Жижка к военной хитрости.

Так, в 1420 году в марте двинулся он из Пильзена в Табор, недавно возникший город, со своими людьми, которых было не более четырехсот человек, включая женщин и малолетних пращников. Боевых повозок было всего двенадцать, коней—девять. За этой-то горстью плохо вооруженных людей гналась конница из отряда так называемых «железных рыцарей» под предводительством великого магистра Страконницкого.

У Судомерже, края с обширными лугами и прудами, преследователи настигли Жижку. Их было более двух тысяч, все на конях, в мощных, тяжелых латах. Страшно было смотреть на этих железных рыцарей. Но Жижка не упал духом. Убедившись, что с его маленьким отрядом, вооруженным по большей части цепами, вступить в бой с двумя тысячами хорошо вооруженных воинов невозможно, Жижка обогнул пруд, который был в то время спущен, и прислонил свои повозки к плотине. Женщинам он приказал разложить на илистом дне пруда в траве и в камышах юбки, платки и покрывала.

Едва это было сделано, как показался отряд железных рыцарей. Поле, луг и спущенный пруд кишели ими. Их металлическое вооружение сверкало на солнце, в воздухе развевались знамена. Железные мужи, подобно рою шершней, бросились к пруду, за которым крестьянское войско устроило свое маленькое укрепление. Рыцари смеялись и кричали, что, не вынимая мечей из ножен, уничтожат этот жалкий отряд, затопчут его и разнесут на конских копытах.

Но не тут-то было. Кони взяли в пруду и только задерживали всадников. Рыцари спешили, но и им в тяжелых доспехах трудно было двигаться. Они спотыкались и, приближаясь к плотине, путались шпорами в разостланном женском платье. Чем поспешнее они старались выпутаться, тем сильнее запутывались и падали. Напивавшие сзади падали на передних и теснили их. Строй распался, возникло смятение, беспорядок. Этой-то минутой и воспользовались «братья». Бросившись на врагов, они так измолодили их цепами, что от брони и шлемов куски летели во все стороны.

Началась жестокая битва. Вдруг произошло нечто странное: хотя вечер еще не наступил, солнце затмилось, и настала великая тьма. Кто кого бил—не было видно. Железные рыцари рубили направо и налево и, наконец, объятые ужасом, бросились наутек. Они бежали с позором, повторяя злобно: «Наши копья их не берут, мечи не секут, стрелы отскакивают от них».

Ночь Жижка провел на месте битвы; утром он отправился в Табор, где был принят с великими почестями.

У Судомерже Жижка выиграл битву благодаря женским плать-

ям и юбкам, а в другом месте он набросал на пути неприятельской конницы нарочно изготовленные железные колючки. Кони накололи себе ноги и тотчас же захромали. Одни падали, другие, беспуясь от боли, становились на дыбы. Боевой порядок был нарушен, и неприятелю пришлось отступить.

Иногда Жижка пускался на такую хитрость: он подковывал своих коней так, что следы шли в обратную сторону. Это направляло неприятеля на ложный путь. Но больше всего Жижка прославился системой боевых повозок, из которых он, в случае нужды, устраивал укрепления.

Своих людей Жижка научил управляться с этими повозками сообразно требованиям боевой обстановки. Чаще всего они служили прикрытием. Но если случалось дружине стоять на возвышенности, господствовавшей над неприятелем, повозки нагружали камнями, перед ними становилась конница и прикрывала их. Когда же неприятель подступал близко, конница расступалась, и возы начинали катиться вниз, чем дальше, тем стремительнее, они стучали, гремели и врзались в неприятельские ряды. Иногда они опрокидывались, и разлетавшиеся камни убивали и ранили много врагов. Пользуясь смятением во вражеских рядах, войско Жижки бросалось на них и довершало разгром.

Жижка был в то время уже в летах. Это был муж среднего роста, крепкий, плечистый, с круглым широким лицом, коротко остриженными волосами и черной повязкой на левом глазу. Сражался он верхом на белом коне, в доспехах и с гетманской булавой в руке. Обычно же носил отороченную мехом круглую кожаную шапку, безрукавный кафтан и юбку, а на ногах лапти.

Много взял Жижка городов и замков и всю корысть отдавал «братьям», оставляя себе только «паутину». Когда «братья» шли грабить побежденный замок, Жижка шел «обирать паутину». Так называл он копитившееся в каминных трубах мясо, окорока, солонину, и т. п. Всю эту «паутину» он накладывал на возы и возил с собою, чтобы в час нужды он и «братья» не остались без продовольствия.

* * *

Жижка был ярым мстителем за Гуса. Замки, монастыри и церкви врагов он разорял и жег без милосердия.

Захватив однажды большой Седлецкий монастырь у Кутной Горы, Жижка отдал его своей дружине на разграбление, наказав, однако, во что бы то ни стало щадить собор, замечательный по архитектуре и отделке.

Один из воинов, нарушив приказ, забрался под крышу и поджег собор. Когда показалось пламя, Жижка страшно разгневался и стал допытываться, кто это сделал, обещая признавшемуся много золота. Поджигатель явился. Тогда разгневанный вождь приказал влить ему в глотку обещанное золото в расплавленном виде.

Немалых трудов стоил Жижке захват замка Волчинец, который он осадил по пути к горе Осташе над Медгуюм, где силезцы так жестоко мучили и били гуситов.

Волчинец стоял среди лесов на высокой скале, при слиянии Медгуй и Ждярского потока. Красивый замок этот казался заколдованным; ни пули, ни пушечные ядра не имели над ним власти. Гуситы хорошо целились, пушки их неустанно гремели днем и ночью, но все напрасно. Ядра отскакивали от бастийонов, стен и башен, как горох. Оставалось только уйти.

Когда умолкли пушки, в лагерь Жижки донеслись чарующие звуки. В замке кто-то играл на скрипке. Скрипач сидел у окна башни; его было хорошо видно. Жижка приказал лучшему стрелку пустить в него стрелу. Стрелок натянул тетиву, стрела пропела, и скрипач исчез. С ним вместе замолкли и звуки. Тогда по приказанию Жижки вновь загремели — все пушки и на этот раз пробили брешь в стене. Солнце еще не закатилось, а победные крики «братьев» раздавались уже в замке.

Вонны Жижки ограбили и сожгли замок. Целую ночь зловещее пламя освещало окрестные леса и хижинки. Замок сгорел, а скрипач, так долго охранявший его своими волшебными звуками, исчез.

Прошли года, развалины прекрасного замка поросли лесом, и шум деревьев заменил звуки очарованной скрипки.

* * *

Так победным маршем прошел Жижка по земле чешской против друзей и союзников короля Сигизмунда. Многие города и замки сами сдавались ему. В 1421 году, при осаде замка Раби, в Пяльзенште, Жижка был ранен стрелою в глаз, в его един-

ственный глаз. Роковая стрела, лишившая зрения славного вождя чешского, принадлежала Сезиме Коцовскому из Коцова. Говорят правда, и другое: будто бы Жижке попала в глаз щепка от груши, расколотой неприятельской стрелой. Ранение было такое тяжелое, что Жижка едва остался жив. Матвей Лауда из Хлумчая, гетман Таборский, отвез его в Прагу, где лекаря спасли жизнь полководца; но зрения ему не возвратили. Свет померк для него навсегда.

На воротах замка Раби, где постигло Жижду несчастье, нарисована картина: Жижка на коне с булавой в руке ведет войско на приступ; из замка пан Коцовский прицеливается в Жижду.

С тех пор уже не мог Жижка на коне предводительствовать войском, но продолжал управлять боем так же искусно, как прежде; теперь он сидел в повозке под знаменем с изображением чаши. «Братья» и подгетманы, находившиеся возле него, подробно описывали ему местность и расположение гор, скал, лесов, лугов, долин и равнин. Жижка распределял войско перед битвой, а во время битвы руководил действиями. Победив союзников короля венгерского в Чехии и Моравии, Жижка пошел против самого Сигизмунда. Это было в 1423 году, осенью.

Справив повозок на четыре обоза и заготовив как можно более пушек, Жижка перешел границу чешского королевства, перелез через горы и вторгся в Венгрию. Полною мерой отплатил он венграм и королю их за насилия и жестокости, учиненные в Чехии, особенно в 1420 году, когда враги не щадили ни жен, ни детей.

Потом Жижка спустился с гор к Дунаю. Венгры в страхе разбежались и угнали скот. У Жижди не стало продовольствия, и неоткуда было взять его.

Продвигаясь по берегу Дуная, дружина Жижди дошла до деревни, покинутой жителями. Крестьяне переплыли на плотках и лодках на соседний остров и угнали туда скот. В хлебах осталось лишь несколько телят и поросят, которые не в силах были переплыть на остров.

Венгры радовались, что уберегли от чехов свой скот, и вызывающе вели себя: кричали, визжали, махали чехам, насмешливо зазывая их к себе: идите, мол, скота у нас много. Они отлично знали, что у гуситов нет ни плотов, ни лодок.

Но Жижка сумел иным способом добраться до венгерский стад. В сумерки приказал он «братьям» взять из хлебов телят и поросят, притащить их к берегу и бить, чтоб животные громко и жалобно визжали.

Вскоре над Дунаем раздался такой неистовый визг, что в ушах звенело. Когда коровы и свиньи, перевезенные на остров, услышали эти звуки, не выдержали их родительские сердца. Как бешеные, животные поскакали в воду. За ними последовал из подражания и тот скот, у которого никакого потомства на берегу не осталось. Напрасно венгры кричали, грозили, бранились—ничего не помогло. Река сплошь покрылась плывущими животными, воздух огласился мычаньем, бляньем, ревом и хрюканьем. Вскоре стадо выплыло на берег, и чехи, весело покрикивая, погнали его в свой лагерь к пылающим кострам.

Венгерское войско непрерывно отступало перед Жижкою, заманивая его в глубь страны, чтобы погубить наверняка. Но Жижка угадал тактику венгров и повернул обратно в Моравскую землю. Однако опасность окружения была велика. За дружиной Жижки гналась венгерская конница, стараясь отрезать ей отступление, загнать в реку и потопить. Но находчивостью слепого вождя расстраивались все вражеские козни, и «братья» счастливо достигли Моравы.

Набег на венгров был одним из самых рискованных и опасных подвигов Жижки. Возвращаясь через Моравию в Чешскую землю, Жижка с дружиною своей остановился близ Литомышли отдохнуть. Наступил полдень, час обеда и отдыха. Старик чувствовал себя утомленным. «Братья», желая услужить любимому вождю, приготовили ему удобное место для обеда. Каждый воин набрал в шлем глины и высыпал ее на отмеченное место. Глина из нескольких сот шлемов образовала порядочный холмик. Воины уравнили его и привели туда Жижку, чтобы он мог спокойно вкушать свою трапезу. Уходя, пригорок не раскидали, он существует и поныне под названием «Жижков стол». Существует поверье, что несчастье постигнет того, кто осмелится его разрушить.

* * *

По пути в Моравскую землю Жижка осадил город Пржибислав и замок. Здесь он сильно занемог. Чувствуя, что уже не встанет,

Жижка позвал своих верных «братьев» и завещал им во имя Бога защищать и охранять веру и справедливость.

Октября 11-го числа 1424 года Жижка скончался под грушевым деревом, а кто говорит—под дубом, как под дубом и родился. Великая скорбь охватила все сердца. Бородатые, закаленные войны плакали навзрыд. Вся дружина присвоила себе название «Сироты», ибо потеряла все равно что родного отца.

Тело умершего вождя положили в церкви святого Духа, в Градце, над Лабою. Позднее его перенесли в Чаславский собор. Против его гробницы висело каменное блюдо, на котором, как говорили, он едал.

Так окончил свои дни Ян Жижка, народный герой, победоносный военачальник гуситских войск. Много городов и замков сдалось ему, и нигде он не был разбит наголову. Он сражался не только за чистоту апостольского учения, но и за свободу языков чешского и славянского.

После смерти обыватели Градца соорудили себе знамя с изображенным Жижкой на белом коне, в рыцарских доспехах, с булавою, как он всегда ездил. Под этим знаменем они никогда не проигрывали сражения.

* * *

Ни один из чехов не оставил в сердцах своих соплеменников таких глубоких воспоминаний, как троцновский герой. Даже место, где он скончался, сохранилось в памяти народа под названием «Жижково поле». В позднейшие времена, когда враги народного героя старались очернить его память, нашлись люди, пытавшиеся распахать это поле, но из этого ничего не вышло. Вол, запряженный в плуг, сделав несколько борозд, упал и издох. Жижково поле осталось целною и поросло кустарником. Кустарник рос так буйно, что захватывал соседние участки. Хотели его вывести, но только взяли за дело, как мотыга выскочила из рук работника и ранила его в ногу. Пришли с топорами. Попор соскочил с топорница и изувечил работника. Так и остался расти кустарник. Позднее на этом месте поставлен был памятник с перечислением битв, в которых участвовал Жижка.

В памяти народа уцелели также троцновский двор и дуб, под которым родился Жижка. Дуб этот жил века, народ почитал

его и берег. Так как Жижка считался непобедимым воином, обладавшим сверхъестественной силой, многие искали эту силу на его родине, в дубе, под которым он родился. Люди ходили туда, резали ветви, вырубали топорнища и ручки для молотков, веря, что орудия эти будут обладать большой силой и прочностью. Когда дуб засох и от ствола остался только пенёк, приходили кузнецы и крестьяне, вколачивали в пенёк гвозди и верёвки, что у них от этого прибавится силы и храбрости. Когда же п пенёк истлел, собирали щепки от него и вколачивали их вместо клиньев между топором и топорнищем. Теперь от дуба и следа не осталось.

О всех руинах монастырей, замков, разрушенных в разное время, особенно в Тридцатилетнюю войну, в народе говорят, что это дело рук Жижки. Всякую старую насыпь, хотя бы она относилась к древнейшим временам, называют Жижковой насыпью. Если вы спросите о них в тех краях, где Жижка проходил походом, вам непременно ответят, что это Жижковы укрепления. Воспоминания о тех местах, где он останавливался и отдыхал, откуда делал набег, сохранились в памяти народной и передаются от поколения к поколению.

У Рихмбурка есть пруд «Спалнец». Вам скажут, что этот пруд называется так потому, что здесь Жижка спалил монахов, взятых при осаде Подлажницкого монастыря. В самом Рихмбурке есть Жижкова скала. Она находится как раз против замка и отделена от него узким ущельем. Рассказывают, что Жижка велел высечь в ней углубление, чтоб поставить пушку и стрелять по замку, в стенах которого до сих пор видны два каменных ядра гуситских орудий.

По дороге из Радка к Вамбержцам на краю леса можно видеть скалу, а на ней камень, похожий на человеческую голову в шлеме и с повязкой на глазу. Эта скала зовется «Жижкова голова» не только у чехов, но и у немцев того края.

В Находе есть «Жижков стол», большой плоский камень на известковой подставке. Он лежит на холмике у самых стен Находского замка. За этим столом, говорят, Жижка ел, когда возвращался из Моравы. Но Находский замок он не тронул, только поглядел на него и сказал, что это осинное гнездо того не стоит. Был еще Жижков стол в краю Градецком. Этот стол, говорят,

был золотой, а посуда, которая служила Жижке, серебряная. Когда Жижка за тем столом трапезовал, воины стояли кругом и пели. Потом, по приказанию вождя, посуду зарыли в землю и пошли дальше. Золотой стол и серебряная посуда лежат там и поныне. Никому не удалось вырыть их.

Много находят Жижковых подков. Кто бы ни нашел в земле подкову, нисколько не сомневается, что она Жижкова. Отличительным признаком ее служат круглые дыры.

Кроме столов, скал и насыпей, есть еще Жижковы деревья, больше всего липы, в тени которых отдыхал полководец.

Так исполнились о Яне Жижке слова летописца:

«Слава о нем разнесется до дальних концов земли и будет пребывать вовеки».

РОЗОВАЯ ЛУЖАЙКА

В укромном уголке, между волнующейся рожью, за которой чернеют сосновые леса, лежит небольшая лужайка шагов в двадцать длины и пятнадцать ширины. По краям ее буйно разрослись розовые кусты. Розы эти особенные, нигде таких нет—на иной почве они не вырастут. Пробовали их пересаживать, но розы не принялись. Пробовали уничтожать, выкапывали, но к весне снова появлялись побеги, быстро разрастались, тянулись к середине лужайки.

От них-то и получил название этот уединенный уголок, посвященный скорбной памяти¹ благочестивых предков.

Розовая лужайка находится на возвышенности, с час пути от Литомышли на запад. С этой возвышенности открывается чудесный вид на весь край: на леса, из-за которых выглядывает Маковская башня, на деревни, приютившиеся среди зелени, на лесистые холмы и на старый внушительный Литомышлинский замок.

В былое время, лет четырехста тому назад, в замке жили паны Костки из Поступиц, верные друзья чешских «братьев». Большая часть жителей соседнего города состояла из «братьев»; там же находился дом «братских» собраний.

Когда Фердинанд I поборол сопротивление дворян и конфисковал их имущества, паны Костки вместе с другими «братьями» из города и окрестностей вынуждены были скрываться. Один из

них, Ян Август, долго жил под видом крестьянина в Литомышле, но однажды нечаянно выдал себя. Позабыв, что на нем одежда крестьянина, он вынул из кармана алый шелковый фуляр и вытер на лбу пот. Это увидели помощники гетмана Шейниги, арестовали Яна вместе с секретарем его и отвезли в Кривоклатскую тюрьму, где оба они томилась четырнадцать лет.

В правление Максимилиана, сына Фердинанда, настали лучшие дни. «Братья» возвратились из изгнания и поселились в Литомышле и окрестностях. Но недолго жили они в покое. В 1618 году разразилась над Чехией великая буря: религиозные войны и двумя годами позже—роковая Белогорская битва.

Кто не был католиком и не соглашался стать им, был обречен на изгнание. Та же участь постигла и «братьев». Перед тем как покинуть родные края, они решили тайно собраться и, помолвшись вместе, проститься с любимой землей. Для этой цели избрали они лужайку в лесу.

Ради безопасности сошлись они ночью, среди темного безмолвного леса, под сводами звездного неба, в последний раз помолвились и простились с родной. Многие брали горсть родной земли и целовали ее, орошая слезами. Из этих-то слез и выросли розы—свидетельство непоколебимой веры и любви к родине.

Со временем люди позабыли о «братьях»; но место, где «братья» прощались с родным краем, осталось в почете. В старые времена лужайка была больше и лес вокруг нее гуще. Окрестные жители постепенно выводили леса и расширяли поля. Хотели они распахать и лужайку, чтобы не оставалась между полями, как бельмо на глазу; но само провидение охраняло ее. Случилось то же, что и на Жишковой поляне у Пржбислава: то плуг ломался, то конь падал.

Наконец на Розовой лужайке посеяли лен; он вырос, созрел. Лен выдергали, вымочили и высушили, а когда стали трепать, он вдруг вспыхнул ярким пламенем. Загорелась сушильня, за ней все постройки в усадьбе. В том пожаре погибла молодая девушка, дочь владельца имения. После того никто не решался пахать Розовую лужайку.

В 1813 году русские, преследуя разбитую армию Наполеона, проезжали через эти края. Их внимание привлекла Розовая лужайка.

Узнав ее историю, русские воины спешили, преклонили колена и горячо помолвились.

В одном древнем сказании говорится, что придет время, когда на лужайке произойдет битва, и такая жестокая, что кровь потечет ручьями. Потом сойдутся семь королей и установят вечный мир. Встретятся они на том самом месте между розами, где «братья», противники войны и кровопролития, прощались с родиной.

На лужайке цветут розы, кругом волнуются нивы. Тихо в укромном уголке. Невольно вспоминаются «братья», сердце сжимается при мысли о том, как они прощались с родиной и орошали ее слезами.

Прощай, родимая земля,
Тебя я с грустью покидаю... —

поется в одной старинной песне чешских изгнанников. И воображению представляется вереница несчастных изгнанников. Вот бредут они по дороге, не смея остановиться и лишь со слезами на глазах оборачиваясь на привычный, милый сердцу пейзаж, где стоят «дома родные родины любимой».

ПРОРОЧЕСТВО СИВИЛЛЫ¹

Сивилла, царица Савская, женщина вдохновенного и острого ума, узнав, что в Иерусалиме царствует Соломон, по уму и мудрости не имевший равного, воспыкала желанием увидеть его. Приказав положить на верблюдов богатые дары, Сивилла в сопровождении вельмож и отряда вооруженных воинов отправилась в путь. Долог и труден был этот путь, но, наконец, она достигла цели.

Соломон, узнав о прибытии царицы Савской, вышел, окруженный своею свитою, ей навстречу и принял ее с большим почетом, говоря: «Привет тебе, желанная гостья!»

Когда они были во дворце, царица велела своей свите разложить перед Соломоном привезенные для него дары: золото и самоцветные камни, утварь из благородных металлов—произведение искусных мастеров. Были там и целебные корни, и травы, и ветви, источавшие бальзам.

Почти год пробыла Сивилла в Иерусалиме, удивляя мудрейшего царя своею мудростью, а еще больше дивным даром пророчества, который был ей ниспослан. Сидя с Соломоном в роскошном саду, в тени олив, лавров и кипарисов, она вдруг прерывала беседу и, юхваченная вещим духом, начинала пророчествовать. Лицо ее менялось, становилось бледным, почти прозрачным, в глазах горел

¹ Имя Сивиллы, царицы Савской, сделалось впоследствии нарицательным.

внутренний огонь. Царь благоговейно слушал, а летописец записывал.

Так предсказала она Соломону будущее его великого царства. Последнее пророчество Сивиллы коснулось Чешской земли.

— Царь великий,—вещала она,—бог одарил тебя такую мудростью, что равного тебе не было и не будет, хоть и многие утвердятся цари и владыки, многие возникнут царства. Славна, богата и плодородна будет среди них Чешская земля. Народ той земли построит много городов, и главою всех городов будет золотая Прага. Прекрасен будет этот перл Чешской земли, пока народ его не погрязнет в грехах и беззакониях. Тогда бог прогневается на людей тех, отнимет единоплеменного правителя, и будет царствовать у них чужеземец. Слезно будут молить они о единоплеменном короле, но нескоро получат его.

Тяжко будет народу под чужеземным игом. В рабство обратят его. Паны станут обременять его работою; четыре дня будет он работать на пана и только два—на себя.

И вот явится король, который введет новые порядки и облегчит судьбу народа. Сельский люд полюбит его, но панам новые порядки не понравятся. При короле этом объявлена будет свобода вероисповеданий.

При следующем короле убавятся вольности, данные народу, а при юном его наследнике начнутся войны. Придется селянам даром кормить громадное войско и отдавать ему потом весь урожай. Мужиков погонят в рекруты, и будут стоять в стране пять разных армий и каждая называться по-своему. Но кормить и одевать их придется одному чешскому народу.

Будет недород хлеба, будут бури, ураганы, снега и воды великие. Но народ еще не образумится, и бог покарает его. Огнем и водою будет разрушена столица его, а чего не сделают стихии, то довершит неприятель. Развалины города зарастут кустарником и бурьяном; лисы и куницы будут укрываться в нем. От славного города и следа не останется. Пройдет однажды по каменному мосту возница и, указав бичом на пустынные места, скажет своему сыну:

— Была здесь когда-то Прага, а вот там стояла Староградская ратуша.

Но прежде чем придет конец и наступят смутные дни, будут

разные знамения. Дни станут короче, солнце будет дарить меньше тепла и света, люди будут в тулузах жать хлеб; налоги возрастут до такой степени, что никто не будет ложиться спать сытым. Народ восстанет, и начнутся кровавые междоусобия, ибо простые люди скажут: «Лучше нам погибнуть на поле битвы, чем видеть, как наши дети умирают с голоду».

Тогда наказаны будут паны, которые притесняли своих подданных.

В страну, ослабленную бедствиями и несогласиями, вторгнется неприятель со всех четырех концов. От столицы к горе Вланику потечет кровавая река. На пути кровавого потока будет высохший пруд. Кровь наполнит тот пруд и будет лить через плотину. Крики, стоны, гром оружия будут слышны на двадцать четыре мили кругом. Двенадцать дней будет длиться битва; на тринадцатый бог пошлет помощь. Из горы Бланика выйдет несметное воинство. И смутится неприятель и обратится в бегство. А божье войско погонит его и исчезнет потом неизвестно куда. В гору Бланик оно не вернется. Кровавый пруд высохнет вновь. Оставшиеся в живых будут обнимать друг друга и радоваться, что господь сохранил их. Потом все сойдутся к кровавому пруду и увидят там груды трупов и падали. Птицы небесные разнесут эти трупы по кусочкам, ибо оставшиеся в живых будут слишком малочисленны, чтобы похоронить их.

Все вернется в свои жилища, и не будет между людьми споров и розни. Станут чехи жить в любви. И будет пятьдесят лет счастливых и урожайных. Везде будет царить покой и изобилие.

ПРОРОЧЕСТВО СЛЕПОГО ЮНОШИ

На обратном пути из немецких земель в Прагу Карл IV узнал, что в пограничных Шумавских лесах, в деревне Коуте, живет юноша-слепец, одаренный пророческим духом. У окрестного населения юноша пользовался большим почетом.

Король заехал в Коут и вошел в хижину слепого. Юный провидец сидел за столом.

— Здравствуй, честный юноша,—сказал король.

— Низко кланяюсь тебе, король наш!—взволнованно отвечал юноша, вставая с места.

— Откуда ты знаешь, что я король? Ведь ты слеп, и никто не мог предупредить тебя о моем посещении?

Король и слепой провидец сели к столу и принялись беседовать.

— Милый юноша,—начал король,—бог лишил света твои очи телесные, но просветил умственные. Ты глядишь в грядущие времена. Скажи мне, что открыл тебе вещий дух о нашей родине?

Вместо ответа, слепой начертил на столе мелом следующие буквы:

К. В. С. А. Л. Ю. В. Л. Ф. М. Р.

Эти буквы означали имена королей: Карла IV, Вацлава, Сигизмунда, Альбрехта, Ладислава, Юрия, Владислава, Людвиг, Фердинанда, Максимилиана, Рудольфа.

— При твоём сыне и наследнике будут великие междоусобия,— сказал слепой,—но земля чешская не погибнет и славно будет защищаться против многих ворогов.

Но с годами изменятся чехи, и испортятся нравы их. В одежде и обычаях чехи будут подражать иноземцам, а своих стародавних обычаев станут стыдиться. Чиновники польстятся на подкуп. Глас бедняка не будет услышан; правы будут только богатые. Правда сгинет, порядок исчезнет, наступят великие тяготы и налоги, война отнимет кормильцев у семьи. Немцы будут господствовать в Праге. Чешский язык будет унижен, многие чехи станут стыдиться родной речи и откажутся от нее.

Наступит великий голод. Подобно ливню или туче саранчи, неприятель обрушится на обесиленный народ. Претерпевший же до конца спасется.

Король тяжело вздохнул.

— О, если бы можно было предотвратить все эти бедствия, я охотно пожертвовал бы жизнью!—воскликнул он.

Слепой провидец молчал.

— А потом?—спросил Карл.

— Смутные настанут потом времена, и зыбкой будет власть. Но хуже всего станет, когда последний мужской отпрыск королевского рода погибнет от меча и на трон взойдет королева. Много врагов объединится против нее, и королевство чешское придет в упадок. Очерствеют и озлобятся господа, а простой люд начнет вымирать, как еще не бывало в истории...

Слепой юноша снова взял мел и написал:

С, Ю. В. З.

— Это значит: «С»—народ с севера, что вторгнется в Чехию, поработит ее и будет грабить.

«Ю»—южный народ, турки и другие басурманы, с которыми римскому императору придется долго и жестоко воевать. Чехи будут помогать ему в этих войнах, и обойдется им это много крови и много денег.

«В»—народ с востока, большой и могущественный, что будет воевать со своими соседями, но чешскому народу никогда не причинит зла.

«З». Эта последняя буква означает запад, с которого на Чехию двинутся вооруженные полчища. Будут в них разные иноземные племена, и разразится последний великий бой. Изнемогающие чехи воззовут о помощи. Тогда выйдет из горы Бланик войско на помощь чехам. Святой Вацлав на белом коне поведет его. Разгорится жестокая битва, и продлится она несколько дней. Чужеземцы будут посрамлены и изгнаны. Настанет прочный мир. Чехи будут едины, и расцветут между ними согласие и терпимость. Униженный язык будет вновь возвеличен и прославлен. Чехи будут гордиться своим происхождением и предками. Горды они будут и тем, что сумели пройти через все испытания. Легок и радостен им будет труд во имя родины и жертвы ради нее, ибо, любя родину от всего сердца, они будут придерживаться правила: «Меньше слов, больше дела».

БЛАНИЦКИЕ. РЫЦАРИ

В окрестностях города Влашима стоят рядом две лесистые горы: Малый и Большой Бланик. Последний виден издалека, и взгляды жителей этого края часто устремляются на него, ибо все знают, что если вершина Бланика задернута тучами, быть ненастью, если же она синее на ясном небе, надо ждать сухого и жаркого дня.

На вершине Большого Бланика, в тени буков, елей и сосен, видна полуразрушенная от времени каменная стена.

Под этою стеною в недрах горы спят вооруженные рыцари— «Войско святого Вацлава». Спят они до того дня, когда понадобится их помощь. Тогда проснутся они и ринутся в бой.

Под скалистой вершиной Бланика, на восточном его склоне, есть скала, похожая на готический свод. Это вход внутрь горы. Отсюда вытекает родник, из которого бланицкие рыцари поят своих коней. В лунную ночь выезжают они на луг под горою, и тогда бывает слышен глухой шум, бой барабана и звуки труб. К утру все стихает. Рыцари и кони, пройдя в скалистые ворота, исчезают в таинственных недрах горы. На лугу остаются следы их ночного парада—помятая трава, отпечатки конских копыт.

Молва рассказывает, что были люди, которым довелось заглянуть в недра горы, где спят бланицкие рыцари.

Однажды молодая поселанка жала под Блаником траву. Неожиданно перед нею явился рыцарь и попросил ее пойти с ним

и прибраться их жилище. Девушка не испугалась и пошла. Ворота в скале были отворены. Девушка увидела огромную пещеру. Могучие колонны подпирали своды. На стенах и колоннах висело оружие. В таинственном полумраке пещеры было тихо, как в церкви. В стороне, у яслей, стояли оседланные кони. За каменными столами, скленив головы на руки, спали рыцари. Неподвижно стояли кони, они ни головами не качали, ни копытами не били, ни хвостами не махали.

Девушка вошла и стала подметать. Никто не шевельнулся. Окончив свое дело, она ушла. Вернувшись домой, она страшно испугалась, узнав, что прошел год с тех пор, как она ушла из дома. Когда она рассказала, где была, родные поняли, в чем дело. Через три дня она умерла.

Такая же история была с местным кузнецом. Неведомый рыцарь позвал его подковать коней. Когда кузнец кончил работу, ему дали мешок с сором, который он со злости тут же у горы и высыпал. Дома его уже оплакивали, так как год назад он бесследно пропал.

Рассказав, что с ним случилось, кузнец вынул мешок, и оттуда вдруг вывалились три дуката. Тут только кузнец сообразил, что свалил дурака. Бросился он к Бланнику, но—увыл!—напрасно: дукатов уже не было и в помине.

Рассказывают еще о пастухе, который, отыскивая заблудившуюся овцу, попал в Бланик. И он пропал над ровню год.

Величественно высится Бланик над окрестною уединенною равниной, вдали от шумных городов. Над всем краем тяготеет он, как печальная дума. Войско святого Вацлава спит. Еще не пришел его час. Тогда восстанет оно, когда в Чешскую землю вторгнется врагов без счета.

Роковые знаменья узрит чешский народ. На вершине Бланика засохнут деревья, а давно засохший дуб зазеленеет, и ключ в скале вабьет с такой силой, что превратится в горный поток. Настанет жестокое побойще, и засохший пруд наполнится кровью. И будет плач великий. Чехи геройски станут обороняться, но сил у них нехватит. Тогда откроются каменные ворота, и из недр Бланика ринется войско святого Вацлава. Сам святой Вацлав на белом коне поведет его на помощь чехам.

Неприятель, объятый ужасом, отступит к Праге, где и произой-

дет окончательное сражение. Кровь потечет рекою по каменному Карлову мосту. Святой Вацлав со знаменем в руке во главе чехов окончательно изгонит неприятеля, и чешский народ вздохнет свободно. Много чехов погибнет в боях, но те, которые уцелеют, будут крепки верою и сильны духом. Познав свои ошибки и ошибки предков, народ станет несокрушим: неприятель уже никогда не одолеет его.

* * *

Таковы предания мигувших лет и древние пророчества о земле чешской.

Счастлива будь, любимая родина, да возрастут в силе все поколения твои. Да одолеют они противников и сохранят святое наследие предков—родной язык и старинные законные права свои.

Да мужают грядущие поколения телом и духом и будут крепки, как скала, и богаты силой.

3 руб.

17

